

ДЖАСТИН

Зверева Людмила

16+

Людмила Зверева

Джастин

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Зверева Л. А.

Джастин / Л. А. Зверева — «ЛитРес: Самиздат», 2013

ISBN 978-5-532-98230-7

Что может изменить жизнь подростка? И как это на нём отразится? Джастин живёт обычной жизнью, если не считать того, что почти все одноклассники ненавидят его, сестра постоянно пилит, мать изводит своими переживаниями, а с отцом он в последний раз разговаривал аж в прошлое рождество. И чтобы избавиться от мыслей обо всем этом, Джастин занимает себя гулянками и баловством. Но разве чужое мнение может сломить?..

ISBN 978-5-532-98230-7

© Зверева Л. А., 2013
© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Пролог	5
глава 1. Будни	10
глава 2. В прошлом году	15
глава 3. Игра окончена	24
глава 4. Шопинг	41
глава 5. Чересчур	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Людмила Зверева

Джастин

Пролог

– Джастин, тебя, дурак! – прозвенело в прохладном воздухе.

Это были обычные будни в юго-западном районе города. Здесь всегда красиво занималась заря, был свежий воздух, и росло много деревьев. Вдоль узкой улицы в стройный ряд становились дома, окруженные зелеными газонами и объятые чистым небом.

В одном из таких домов, он был двухэтажный, кирпичный, с большими окнами, жила семья Суит. Обычная семья: мама, папа и двое детей.

– Ева, – укоризненно прозвучал нежный голос мамы, – сходи к брату в комнату и позови его к телефону... нормально!

Миссис Суит, молодая и необыкновенно красивая женщина, с правильными чертами лица, мягкими светлыми волосами, идеально ровной и белой кожей, была не по возрасту серьезна, изыскана и отменно воспитана. В ней сочетались грация и детская непринужденность, солидность и наивность, и все это придавало ей особенный шарм.

– Да, мама... – смиренно согласилась дочь, на что получила еле заметную одобряющую улыбку в ответ.

Ева кивнула и приблизилась к полукруглой лестнице в центре гостиной. Лестница была сделана из белого мрамора; роскошно расширяющиеся у низа, как свадебное платье невесты, ступени сверкали невероятной чистотой, перила ласково касались кожи и провозжали наверх, расходясь по обе стороны второго этажа.

Ева неслышно поднималась по ступенькам, постоянно одергивая краешек розового сарафана, и очень злилась, с каждым шагом приближаясь к двери брата.

Дом, в котором жила семья Суит, был самым большим и шикарным в округе. Вернее, он был громадным и вмещал в себе десять комнат и три уборные. На первом этаже располагалась гостиная, справа от нее была кухня, а слева – столовая, в которой никто никогда не трапезничал. За лестницей, возле кухни, была уютная и тихая библиотека. В библиотеке, так ее называла мама, всегда хватало тепла и света. Помимо стеллажей с книгами там стоял старый рояль. Приятными спокойными вечерами миссис Суит любила провести по его старинному корпусу нежной рукой и сыграть что-нибудь завораживающее.

В промежутке между библиотекой и кухней вместились небольшая комната для прислуги. В доме находилась одна служанка, Мэри. Это была женщина средних лет, она убирала, стирала, готовила, следила за порядком, но в большинстве своем была невидимой тенью, очаровательным помощником для миссис Суит. За столовой располагался кабинет отца. Мистер Суит являлся человеком исключительно важным, особенно в делах города. О его незаменимости знали почти все в доме. Он был горд, серьезен, немного полон, не слишком высок и излишне занят.

На втором этаже, в правой стороне находилась спальня мистера и миссис Суит. Там всегда было чисто, светло, тепло и уютно. Ближе к лестнице раскинулась комната для гостей. С левой стороны были спальни детей (первая сестры, последняя брата). А между правой и левой сторонами было пространство, вроде холла, обставленное диванами, пышными растениями и увешанное картинами.

– Ненавижу его... – прошипела Ева, поднявшись наверх, и сильно сжала в руке телефонную трубку.

Ева прошла мимо причудливой статуэтки (видимо, изображавшей кота), обозначающей вход на территорию брата. Она злобно выдохнула и приоткрыла оранжевую дверь. Выдохнула она злобно потому, что никак не могла смириться с выбором цвета для несчастной двери! Весь дом гармонично оформлен и решен в цвете. Нигде не вырисовывались яркие неоправданные пятна, ничего не раздражало глаз, даже несмотря на то, что в целом оформление выглядело смелым. Но эта дверь! Эта дверь была вульгарного ярко-оранжевого цвета, и, мало того, ее еще ограждало какое-то чудовище в виде бронзовой статуэтки! Всякий раз, когда Ева проходила мимо, ее передергивало.

Наконец, она вошла внутрь. На секунду она остановилась и сжала веки, потом в очередной раз огляделась. Ничего особенного не зацепило ее внимание, все было донельзя привычным. Беспорядочное расположение всех предметов, аккуратно раскинутых даже по труднодоступным местам, в конце смешало комнату в единую массу беспорядка. Но все это уже не вызывало удивления, лишь слабый подступ тошноты напоминал об отвратительности этого места. Ева резко пришла в себя и ткнула трубкой в противоположный конец комнаты, где вроде бы находился компьютерный стол, стул и брат.

– Оторвись от монитора! – раздраженно произнесла она. – Тебя к телефону...

Ответа не последовало, и Ева сразу же ушла. Но ничего не подозревающий брат, изогнув обнаженную спину дугой, медленно, и не скрывая удовольствия, решил повернуться на стуле, усиленно изображая улыбку. Но сестры уже не было.

Состояние типа «облом» мгновенно разлилось по юному лицу. Оно сильно исказилось и стало похожим на страшную маску, а сам парень огорченно выдохнул и решил встать. Перед этим он еще раз выдохнул, сдувая со лба длинные пряди уходящей вправо челки, скорчил другую не менее выразительную рожу и медленно приподнялся. Потом он лениво потянулся, обернулся к монитору, опять поправил челку, забрав ее за ухо, и только потом решил выйти из комнаты.

Джастин был среднего роста, всего на полголовы выше сестры, рост которой составлял примерно пять с половиной футов. Когда ему было пять лет, его отдали обучаться джиу-джитсу. Он вообще любил спорт, поэтому был красиво сложен и силен, но до остального – очень ленив и распушен. Еву это раздражало. Еще ей не нравилась его прическа, он отрастил сзади волосы и не собирался их подстригать. Светло русые пряди торчали из-за ушей (когда Джастин их туда заправлял) и до ужаса раздражали сестру. Плюс челка была длинной и часто закрывала голубые глаза, которые, как думала Ева, не редко нахально вращались.

Джастин спустился в гостиную. Мамы там уже не было, а на синем диване, уткнувшись в телевизор, сидела Ева. Она удобно устроилась среди синих подушечек, обняв одной рукой подбородок, другой – диван.

Ева была невероятно красива, как мама! Ее шикарные золотистые локоны волнами закрывали плечи и тянулись к пояснице. Они были мягкими и объемными, переливчато блестя в лучах солнца и мерцали в свете луны. Ее неотразимые голубые глаза завораживали, а гладкой, бархатной коже завидовали все ее подружки. И, как мама, она была хорошо воспитана, но с братом позволяла себе быть строгой и порой даже совсем грубой. Она, несомненно, знала этикет, но не всегда его соблюдала; она прекрасно держала спину, и имела притягательную походку. И даже сейчас она сидела, утонув в изображениях телевизора, так грациозно красиво, что напоминала фею.

Джастин совсем ненадолго задержался взглядом на сестре, он уже давно знал, что она красивая, и поэтому старался не обращать на это внимания. Он искал телефон. Обнаружив трубку на маленьком кофейном столике, схватил ее и, преподнеся к уху, снова обломался.

– Ты повесила? – произнес он, отводя трубку от уха.

Ева не отреагировала.

– Кто звонил? Стив? – приподняв брови, будто отчитывая сестру, предположил Джастин.

– Отвали! Самому надо было брать трубку! – отмахнулась Ева и продолжила смотреть в монитор. Ей было совершенно не до брата-недотепы, она смотрела свой любимый фильм и всем сердцем переживала за героев, которые вот-вот трагически погибнут.

На лице Джастина проскользнула хитрая улыбка, он скрестил руки на груди и терпеливо ожидал чего-то. Наконец, Ева зашевелилась и пододвинулась поближе к широкому экрану в предвкушении невероятно трогательной сцены. В этот момент Джастин приблизился к розетке и живо отключил питание.

Ева замерла, широко раскрыв рот. Так она просидела несколько секунд, а потом, выставив нижнюю челюсть вперед, медленно закрыла рот и прищурила глаза с хищным выражением.

– Ах, – тихо начала она, – ты! – голос зазвенел. – Скотина!

– Да, неужели? – хитро-лукавым, приглушенным голосом спросил Джастин.

Ева тут же соскочила с дивана и бросилась к брату, злобно рыча. Джастин, резво добежал до лестницы и стал подниматься. Но Ева умудрилась поймать его за оранжевую штанину, и он с грохотом рухнул на ступеньки, потянув за собой сестру. Мимо прошла Мэри с кофейником в руках, она поглядела на детей и улыбнулась, тихо подметив:

– Возня и только! А, вроде, уже такие большие! – и она покачала головой.

Ева злилась и пыталась стукнуть недотепу куда-нибудь в бок или в живот. Но Джастин посмеивался и закрывался от ее ударов, постепенно отодвигая сестру вниз, а она, съезжая по ступенькам, отчаянно дралась. Когда на ее лице появилась искренняя ненависть, Джастин быстро встал и удалился в комнату. Ему было все равно, с какими чувствами он оставил сестру в гостиной.

Ева точно знала, что теперь он будет раздражать ее еще больше, пока не исчезнет из дома хотя бы на день и ни даст ей возможность отдохнуть от своего присутствия. Она тихо опустилась на диван и, не включая телевизор, уселась, скрестив руки и ноги.

Минут через десять послышался шорох. Этот шорох был хорошо ей знаком: так ступал Джастин, когда хотел выйти из дому незамеченным. Он всегда надевал носки, чтобы его не слышали, и крался к двери, туда, где стояли его скейтерские кеды. Ева снова почувствовала, что сердится, но сдержалась и осталась неподвижной. Она не любила, когда брат увиливал от нее. Но сейчас она решила, что это лучший способ успокоиться.

Однако шорох резко прекратился. Ева услышала, как брат надел футболку, сверху балахон, и почему-то перестал скрывать свое присутствие. Теперь он стоял рядом с диваном, у Евы за спиной, и, неслышно вдыхая, выдыхал медленно и громко. Ева долго держала себя в руках, она знала, что брату обязательно что-то от нее нужно. Но Джастин продолжал выдыхать, постепенно приближаясь к ее затылку.

Теперь ждала Ева. Она крепко стиснула зубы и внимательно слушала дыхание. Когда Джастин приблизился достаточно, чтобы она успела развернуться, а он не смог убрать голову, она так и сделала, крепко схватив поганца за волосы.

– Не понимаешь, что ли? – сердито выпалила она. – Я сказала – ОТВАЛИ!

Джастин зажмурился и выгнул спину, пытаясь улизнуть из рук коварной сестрицы, но сразу почувствовал, как та сжала руку еще сильнее. Ему было весьма неудобно стоять к спинке дивана вполоборота и зависеть от крепкой хватки сестры, однако он не предпринял попытку ответить ей тем же.

– Чего тебе надо, паршивец? – стараясь выглядеть как можно более грозно, она приблизилась к его лицу и щелкнула зубами прямо у носа.

Тут Джастин улыбнулся и немного расслабился. Как и обычно, своим лукавым, хрипловатым голосом, он сказал:

– Ладно... – Ева насторожилась. – Дай денег – и я уйду!

– У мамы проси! – звонко ответила Ева, а потом обиженно добавила:

– Олух!

– Смотри сама... – Джастин пожал плечами и потянул руки к сестре, нащупывая подмышки и ребра.

Ева громко завопила и отпустила голову брата. Высвободившись, он мигом прыгнул на диван и продолжил свою нехитрую пытку. «Она всегда боялась щекотки!» – подумал он и улыбнулся.

– Ааа! Перестань! Ладно! – размахивая руками, кричала Ева. – Ладно! Прекрати немедленно!.. Возьми в плаще! Да прекрати же!

Джастин прекратил и быстро пробежал по совмещенному с гостиной холлу к вешалке, вынул из кармана сестры деньги, отсчитал нужную сумму, остальное вернул обратно. Затем, пока Ева приходила в себя (она очень не любила, когда Джастин ее щекотал), он обулся и открыл дверь, набирая номер на сотовом телефоне.

– Приду завтра, – радостно предупредил он и исчез за порогом.

Ева облегченно выдохнула. Но вдруг снова подкралось раздражение, которое она не смогла сдержать:

– Придурок! – выкрикнула она.

– Ева! – из библиотеки тут же раздался встревоженный голос мамы.

– Ой, – Ева замолчала.

Она была старше Джастина на год. Но вела себя намного взрослей и серьезней, хотя ей и было всего восемнадцать. Последнее время она очень злилась на брата из-за разных его глупостей и выходов. Она часто ссорилась с ним, бранилась, жаловалась маме, пыталась выловить в перерывах между делами отца, чтобы тот поставил Джастина «на место». Многие поступки брата она расценивала, как самые бездумные и дурные. Называла его ленивым котом, который гулял сам по себе и плевал на семью; обвиняла в том, что он, «болван неотесанный», не посещал школу, в том, что он самый глупый человек на свете, раз пытался жить, прожигая дни гуляньем. Но как бы ни ругалась Ева, как бы она ни пыталась пожаловаться маме, она проигрывала, и это ее злило.

Разумеется, перед тем как кричать, она испробовала кучу способов мирно пообщаться. Однако все они увенчались неудачей. И в последнее время ничего, кроме раздражения от собственного бессилия, у Евы не осталось. Никакого удовольствия от ссор она не испытывала, но из последних сил старалась вразумить брата всеми возможными способами.

Ева думала о брате, а когда успокоилась, встала с дивана. Она направилась в библиотеку, где миссис Свуйт устроилась в уютном кресле, читая книгу в роскошном коричневом переплете.

– Мама, – истошно протянула Ева, притворяя за собой дверь. – Ну почему ты сидела тут? Ты могла мне помочь...

Ева приблизилась и тихонько опустила в кресло, которое стояло рядом, за круглым столом. Все в комнате было покойно. Прозрачный свет тяжело падал на пол и стеллажи, обволакивал рояль и растворялся в тени у входа в комнату. Мама удивленно посмотрела на дочь и снова опустила взгляд в книгу.

– Разве я должна была помогать? – ровно ответила миссис Свуйт, продолжая читать. Свет отражался шелковым блеском на ее ладонях. На щеках легкой тенью выделялся румянец. Ева всегда восхищалась маминой красотой, но в последнее время все чаще стала замечать усталость на ее лице.

– А разве нет? – подняв от удивления брови, выговорила дочь.

– Разве? Вы всегда так себя ведете: ссоритесь, миритесь. Это нормально.

– При чем тут ссоры? – Ева оживленно помотала головой и потянулась к матери. – Мам, ты что, не понимаешь что ли? Он опять ушел! Ну, скажи ты отцу! Пусть он его накажет! Ладно, ну, пусть хоть поговорит!

Миссис Свуйт перестала читать. С тяжелым вздохом она закрыла книгу, утомленно посмотрела на дочь, опустила глаза и сладко, нежно и очень медленно произнесла:

– Ты же знаешь, он не станет слушать. Тем более Генри.

– А ты на что?

Миссис Свуйт приоткрыла рот, но сразу ничего не смогла ответить на упрек. Она ненадолго задумалась, глубоко переживая свою беспомощность внутри, а потом обратилась к дочери, обхватив ладонью ее руки, твердо упирающиеся в стол.

– Пойми, дорогая, есть вещи, которые я не могу убрать из его головы, как бы ни старалась. А иногда, копаясь в них, я могу сделать только хуже.

– Никто не просит их убирать! С ними нужно жить, но по-другому, – Ева знала, что мама не в силах что-либо изменить по каким-то непонятным девушке причинам. Но и сама она никак не могла справиться с братом.

– Когда он вернется, сказал? – с грустью поинтересовалась мама.

– Да, – почти шепотом ответила Ева. – Завтра... И, я абсолютно уверена, он не соизволит посетить школу!

Миссис Свуйт удрученно покачала головой:

– У нас у всех сейчас сложный период... А насчет школы я с ним поговорю.

Миссис Свуйт всегда трепетно относилась ко всем, кто ее окружал, и самые нежные чувства она, несомненно, питала к своим детям. Она знала их и любила всякими, принимала безоговорочно, но старалась показать жизнь в лучших традициях и нормах современного общества. Ева, как девочка, оказывалась под большим влиянием этих норм, но при этом добровольно шла по пути, который предлагала мать. А вот Джастин... С ним периодически возникали трудности, с которыми приходилось разбираться всей семье. Миссис Свуйт очень переживала за судьбу обоих детей, но жизнь вынуждала особенно беспокоиться за Джастина. Из-за этого мать не могла обращаться с сыном излишне строго.

глава 1. Будни

Джастин вернулся утром, часов в десять. Евы не было дома. Отца, конечно, тоже. А мать, по его мнению, наверняка спала, поэтому не слышала, как он вернулся.

Первым делом после возвращения домой Джастин тоже ложился спать. Где придется. И чаще всего на диване в гостиной. К счастью, Мэри никогда не вмешивалась в вопросы воспитания, чем Джастин бессовестно пользовался. Прямо на глазах у женщины он мог позволить себе ввалиться в дом и без лишних слов опрокинуться на диван и нагло уснуть. По мнению Джастина, отцу до него не было никакого дела, а мать слишком изнежилась. Порой ее аккуратные вопросы и намеки вставали поперек горла. Иногда Джастину было стыдно за подобные мысли. Но только тогда, когда он сталкивался с кем-нибудь из родных лицом к лицу. Хотя, если выпадало наткнуться на Еву, отвращение вновь возвращалось уже через несколько ее занудных замечаний.

Последние несколько лет они с сестрой не очень-то ладили. Братская любовь к родной сестре меркла, как только она брала на себя смелость отчитывать Джастина. Бесконечные попытки проникнуть в его мысли отбивали всякую охоту считаться с ее мнением. Джастин игнорировал ее или отмахивался. Или делал то и другое. Со своими проблемами он старался разбираться сам теми способами, что были ему доступны. И от раза к разу борьба с неприятностями возвращала его к ночным прогулкам и экстремальным видам спорта, и это работало. Все шло своим чередом, а Ева пыталась разрушить хрупкий баланс, дававшийся Джастину с огромным трудом. Ее тонкой и неиспорченной натуре следовало держаться подальше от разборок в запущенной жизни брата. Со стороны все выглядело довольно гладко. Он смеялся, общался с людьми, занимался спортом, ходил в школу. У него были родные, семья, друзья. Если откинуть все бестолковые попытки Евы вправить Джастину мозги, он определенно ее любил. Еще с детства знал, что с сестрой ему повезло. Она красивая, добрая (когда не злилась), самоотверженная. Но когда она притворялась всезнайкой и воспитателем, лучше бы не подходила к Джастину. К несчастью, в последнее время она слишком увлеклась нравоучениями. Недомолвки и разногласия, в конечном счете, привели лишь к тому, что, как только Ева намеревалась поздороваться с братом, он уже начинал щетиниться, ожидая подвоха.

На взгляд Джастина, хоть и излишне вяло, но все шло так, как и должно было. К его образу жизни постепенно привыкли друзья. Просто освоили новые способы поведения в его присутствии. Учителя познакомились с новым Джестином. В отличие от остальных, учителей его поведение смущало меньше всех. В семнадцать лет у каждого были свои проблемы. И кто-то быстро избавлялся от них, а кто-то не очень. То, что Джастин превратился из маленького приветливого мальчика в огрызающегося подростка, никого не удивляло. Иногда казалось, что все забывали о нем. А иногда хотелось, чтобы было именно так. У огромного количества ребят в школе к Джастину находилась масса претензий. По большей части, необоснованных, раздутых и жалких, как об этом думал сам Джастин. И лишь с одной причиной он никак не мог спорить. Приходилось обороняться. В такие дни, когда к Джастину приставали в надежде задеть его посылнее, он возвращался домой подавленным.

Этот день не стал исключением. Подавленность возникла еще далеко за пределами школы, охватила Джастина с головой. И в очередной раз он переступил порог дома разбитым. Не из-за одноклассников, а потому, что вновь поддался воспоминаниям. Почему Дэрек то и дело цеплялся к нему, было ясно, как белый день. Но почему Джастин не мог с этим ничего поделать, и почему, не смотря на все попытки отвлечься и отдохнуть, за плечами все равно ощущался груз, и память не позволяла расслабиться, подкидывая картинки прошлого, он не понимал. Тяжесть тащилась за ним попятам, куда бы он ни шел, что бы ни делал, с кем бы ни

встречался. Она мешала сосредоточиться, сбивала и заставляла ощущать себя лишним среди кого бы то ни было. От этого Джастин все больше погружался в отчаяние.

Он не позволял переживаниям вылезать наружу, и пытался уйти от них в очередных гулянках с друзьями. Это помогало, но лишь на некоторое время. Стоило Джастину остаться одному, как вновь возвращалась тяжесть. Всячески пытаясь скрыть ее или избавиться от нее, он научился не придавать серьезным событиям смысл горечи и печали, ответственности и груза, – он шутил над ними. Шутил так, что становилось легко, и жизнь протекала незаметно и безболезненно, в легкой дымке и утреннем тумане, сквозь который видно было не все, но зато не слишком больно. А разным шуткам и баловству, всему, что казалось ерундой и глупостью любому другому человеку, он стал предавать значение и обращать их в идею, ради забавы. Но смысл этого был только в страхе перед собственной беспомощностью, которую Джастин прекратил осознавать.

В это утро Джастин уснул на диване, разложив длинные ноги на спинке. Одной рукой он обнимал шею, другой, из последних сил, изредка почесывал голову. Челка шекотала закрытые веки, упрямо возвращаясь на место даже, если Джастин ее смахивал. Сколько он спал, Джастин не знал. Казалось, прошло не больше часа. Усталость намертво приклеила тело к мягкой поверхности дивана, тишина вокруг ласкала изможденный слух. Никто не тревожил. Все шло идеально, пока домой не вернулась Ева. Раньше времени, потому что, обычно, Джастин успевал выспаться и покинуть гостиную до ее прихода.

За коротким хлопком, разбудившим Джастина, он услышал тяжелый вздох. Наверное, сестра снимала намокший от дождя плащ, разувалась, согнувшись в три погибели, и оттого недовольство просачивалось в сопении.

Лучшим вариантом действий Джастин счел притворство. Очень хотелось, чтобы Ева не принялась доставать его.

– Чего ты развалился? – прошипела сестра прямо над ухом. Она толкнула Джастина в бок чем-то острым. Локтем? Пальцем?

Очень неприятно.

– Чего пихаешься? – пробубнил он, словно сквозь сон.

Послышался раздраженный выдох.

– Где ты шатался всю ночь? – сестра настойчиво трясла его. Похоже, в ее планы все-таки входило разбудить его.

«Что ж, это можно. Но, если что, сама виновата».

Джастин размеренно дышал, вычленяя нужные звуки из общей массы суетливых движений, исполняемых сестрой. Она толкала его, пихала в бок, ругалась. Джастин ждал, когда она повернется так, чтобы можно было обхватить ее и повалить на бок. Лучше всего при этом заблокировать руки и заткнуть рот, чтобы не разоралась. Глаза он не открывал; по ее дыханию понял, что сестра наклонилась. Тогда Джастин резко подскочил. Он вцепился Еве в руку, закрутил за спину. Второй рукой он обхватил ее рот и успел заглянуть в испуганные глаза. Ева потеряла равновесие, а Джастин помог ей опуститься на диван так, чтобы она не ушиблась.

Сестра забилась в истерике. Глаза превратились в шары. От переполнявшего ее возмущения она неуклюже ворочалась и мычала.

– Ну, все, – Джастину осточертели ее нападки. И ладно бы она потом его отругала, так она не дала поспать прямо сейчас! – Ты меня достала, – членораздельно проговорил он.

Джастин отпустил ее и поднялся на ноги. С гордым видом он покинул гостиную. Поднялся по лестнице, ни разу не обернувшись, и закрылся в своей комнате.

– Хам! – выпалила Ева вдогонку. – Идиот! Ну, почему за тебя все переживают? Ты этого не заслуживаешь!

От обиды у Евы заслезились глаза. Как же просто ему оказалось избавиться от нее! Ева почувствовала себя униженной и оскорбленной. И так было всегда. Брат не понимал ее, не

хотел даже слушать. Без толку. Все без толку. Сколько раз она говорила, что он связался не с той компанией? Сколько еще раз он наплюет на маму и все равно уйдет из дома на ночь? Ева не понимала, сколько можно трепать родным нервы постоянным прогулами школы, идиотским поведением, глупой ухмылкой и пустыми оправданиями.

Если с Джастином что-то случалось, он всячески выкручивался и выпутывался, избегая помощи родных. А объяснением, по его мнению, вероятно, оправдывающим все глупые поступки и новые ушибы служила одна единственная фраза – «Все в порядке! Мне везет!». И эта фраза всегда звучала так принудительно самодовольно, но неоспоримо правдиво, что после нее никто не смел его порицать, а вернее, мать не смела. Она слишком переживала за сына. Ева недоумевала, как мог Джастин не замечать ее страданий? Она разрывалась от желания удушить брата, если он расстраивал маму, и чувства долга помочь ему (все же она было его сестрой). Его выходки, несомненно, ранили миссис Свуйт в самое сердце, она безнадежно потеряла понимание того, как помочь своему ребенку.

Джастина же казалось, что он защищал родных. Всеми силами он старался скрыть мелкие неурядицы, вроде школьных потасовок, лишь бы мать с сестрой не волновались. Они чрезмерно преувеличивали его проблемы, и это раздражало. Пустое беспокойство выводило его из себя так же, как намеренное игнорирование. Впрочем, игнорировал его только отец. И он был единственным членом семьи, на чье мнение Джастин старательно закрывал глаза. Отец в его понимании высвечивался неровно: он не ставился Джастином во главу семьи и в ее защиту, он только приносил деньги и спокойствие матери, не был примером для подражания и не воспринимался собственно, как отец. Его признанная значимость в государстве, в частности в городе, в сознании Джастина была совершенно бесполезной для семьи. Поэтому и должность главы семейства Джастин не мог возлагать на него.

Всю следующую неделю Джастин появлялся дома только ради того, чтобы переодеться. Ева изумлялась реакции матери. Внешне она выглядела спокойной, даже чересчур сдержанной. Но Ева чувствовала за наигранной собранностью напряжение. И больше всего раздражало, что мама точно так же, как Джастин, стала скрывать свои истинные эмоции. Еве даже померещилось, что мама начала потакать сыну.

Начались рабочие сутки, и все разбежались, кто, куда был вынужден. Только миссис Свуйт оставалась в своей спальне. Она не имела работы, кроме той, что находилась по дому или той, что была ей мила. Сейчас она сидела на кровати и что-то вышивала. В безграничном спокойствии находилось ее лицо, но внутри она переживала за сына и обдумывала недавний разговор с дочерью. Погруженная в себя, она, конечно, не слышала, как затворилась парадная дверь, и в дом вошел Джастин.

Только минутная стрелка больших часов, висевших на стене за телевизором, успела сделать усилие вправо и указать на половину одиннадцатого, как захлопнулась входная дверь, что-то прошуршало в холле, и оранжевые штаны стали неслышно подниматься по белоснежной лестнице, скрывая кончики носков Джастина. Наверху он остановился и задумался, прислушиваясь к чему-то. Когда он покусывал губу, к нему приходило много мыслей, которые непременно стоило использовать. И вот одна из таких мыслей посетила Джастина за этим занятием, и он решил вернуться в гостиную и свернуть в кухню.

Джастин был голоден, но, конечно, ничего лучше, чем чай с печеньем и булочками, он есть не стал. Он насладился мягкой слоеной булочкой с джемом, неспешно, съел круглую булочку с вареной сгущенкой, закусил все это парой печений и запил горячим чаем. После трапезы он немного посидел, разложив на столе руки в разные стороны, потом потянулся, зевнул и встал, собираясь уйти в свою комнату.

Повернувшись к двери, он вздрогнул от неожиданности. В кухню вошла мама и решительно приблизилась к сыну, придерживая его рукой, чтобы тот не вздумал уйти. Это не было на нее похоже, и сын насторожился. Миссис Свуйт неслышно присела за стол, сложив белые

ладони у себя на коленях. Она напряженно выдохнула, потом посмотрела на сына и сделалась несчастной. Джастин разглядел это и хотел возразить, вылепив понимающее лицо. Но ее глаза переполнились такой тревогой, увидев которую Джастин опешил. Он никогда еще не видел маму подавленной. Это его расстроило.

Миссис Свуйт резко подняла правую ладонь, предостерегая сына отговариваться. Джастин смиренно сел.

– Дорогой, сколько сейчас времени? – нежно начала миссис Свуйт.

Джастин растерялся, но ответил:

– Начало двенадцатого.

– То есть тебя не было дома почти сутки... опять. За это время, где ты успел побывать?

Джастин промолчал. Ему вдруг стало не по себе, ответ был очевидным и неприятным для матери.

– Молчишь? Что ж, я понимаю. Я тоже любила гулять с друзьями. В свободное время.

– Все не так! – резко отозвался сын.

– Хорошо.

Внезапно миссис Свуйт твердо добавила:

– Тогда как?

Миссис Свуйт не могла понять, почему ее сын так бездумно относился к себе, к своему будущему, и вообще задумывался ли он о будущем? Она знала, что это было связано с глубокой раной в его сердце, но считала не разумным портить из-за этого жизнь. Ей очень хотелось снова стать частичкой внутреннего мира сына, частичкой его жизни, чтобы иметь возможность помогать ему, но Джастин напрочь исключил кого бы то ни было из глубин своих переживаний.

– Мой милый, в жизни всякое случается... но...

– Мам, – Джастин забеспокоился и передернулся, но миссис Свуйт продолжила.

– Тебе не в чем себя винить...

– Перестань! – отводя взгляд, нервно настоял сын.

Разговор грозился вылиться в очередное нравоучение.

Почему бы матери не заняться чем-нибудь другим? Хотя бы обед пусть приготовит. Скоро ведь вернется Ева, ее надо покормить. Или нет, она слишком самостоятельная, чтобы кормиться с чужой помощью! Джастин отвлекся, чтобы не слушать, что говорила мама.

– Джастин! – Джастин снова повернулся к матери. – Я только хочу сказать, что мы готовы помочь тебе разобраться с любыми трудностями. Мы, близкие люди. Мы любим тебя! – настойчиво давила она.

Наступила напряженная пауза. Джастин глубоко задумался, но он вовсе не собирался рассказывать матери свои мысли. А миссис Свуйт уже начала беспокоиться, что зря затеяла разговор. В глазах сына отражалась печаль, но о чем он грустил? Он молчал, терзая мамину душу. Через пару секунд открылась входная дверь, и вошла Ева. Она быстро поняла, что брат дома, услышав, как он шаркнул ногой в кухне (только он шаркал ногами!) и, не разувшись, пошла туда. К ее удивлению, помимо брата, в кухне находилась мама. Все окружение, их позы и взгляды, и даже заряженный воздух, подсказали Еве, что происходило. Она не смогла сдержаться и, желая помочь матери, быстро влилась в ситуацию, громко выпалив:

– Ты опять гулял всю ночь! В школе, конечно же, не был! Да? Да! Вот скажи, Джастин, тебе что, нравится всем нервы трепать? Чем ты только ночью занимаешься? – быстро и очень рассерженно проговорила сестра.

– Отвали, – очень спокойно и медленно ответил брат.

На этом разговоре пришел конец. Джастин даже облегченно выдохнул.

– Ева! Джастин! – вмешалась мама. – Прекратите!

Своей эмоциональностью Ева нарушила ход беседы, которая, в надеждах миссис Свуйт, привела бы сына к тому, чтобы он поделился своими чувствами с ней. Так казалось миссис

Свуйт, но не Джастину. Для него сестра только поспособствовала скорому окончанию пустословия.

– А тебе не интересно, что делает твой сын по ночам? И почему он не ходит в школу? У него ведь экзамены на носу! Он сможет их сдать? – начиная осознавать свою оплошность, продолжала Ева. – А ты, Джастин! Ты – эгоист!

Джастин удивился, но не подал виду. Он не понимал, почему его так называли, считая, что сделал все, чтобы за него не переживали. Однако, оскорбление его задело.

Уже несколько дней он думал над обзыватьствами в свой адрес. Сестра постоянно упрекала его в невежестве или эгоистичности. Он был согласен с тем, что проводил много времени вне дома, развлекаясь с друзьями. Но разве это признак раздутого эго? Когда Ева совершала очередной поход по магазинам, она тоже выступала в роли эгоистки? Или просто отдыхала? Все, что Джастин делал, по его собственному убеждению, так это обходил неприятности стороной, стараясь освободить семью от ненужных переживаний. Иногда он, конечно, попадал в затруднительные ситуации, но самостоятельно из них выбирался. Никаких поводов для беспокойств. Никаких намеков на необдуманные поступки. С прошлого лета с риском было покончено. Единственное, от чего Джастин не был застрахован, так это от спортивных травм. Но они, к несчастью, были неотъемлемой частью тренировок и изучения новых сложных трюков. Хотя и в этом Джастин не видел ничего страшного. Так что, по его мнению, Ева впустую тратила свои силы на ругань.

Так казалось ему, но не сестре.

Ева думала, что брат нарочно травмировался, даже откровенно калечился, занимаясь спортом. Хорошо, конечно, что он оставил при себе хоть одну достойную уважения привычку, но из-за нее же возникало много проблем. Джастин частенько безнаказанно пропускал школу потому, что не мог передвигаться из-за ушибов, или, в лучшем случае, был крайне вымотан, настолько, что не собирался обременять себя занятиями. А когда Джастин отсиживался дома, на радость матери он оставался целым и невредимым. Ева была уверена, что истиной причиной его капризов служила беспросветная меланхолия, периодически поглощающая брата. И это ее нервировало.

Ева, как и мать, искренне хотела, чтобы Джастин снова стал прежним: целеустремленным, энергичным и сильным.

– И все-таки, ты эгоист, – повторила она, взглянув на брата очень сердито и строго.

– Ладно, – произнесла миссис Свуйт, поднимаясь со стула, – видимо, разговор зашел в тупик. Оставим это пока.

– Мам, – истошно произнес Джастин, – пойми, тебе не за что волноваться. У меня все в порядке. Ты самая лучшая мама в мире... – он не договорил, потому что на эту фразу сразу же отреагировала Ева.

– Ага, не подмазывайся!

– Отвали, – опять очень спокойно произнес Джастин и подтолкнул сестру. Но он так и не договорил. Не сказал, что любил маму и хотел, чтобы она прекратила грустить. Только посмотрел ей в глаза и ушел.

Для Джастина день промчался незаметно: немислимо гибко расположившись на диване (правая нога обнимала спинку, левая – ложилась на пол, руки обвивали шею, а туловище проваливалось в сидение), он целый день проспал. А потом снова наступил вечер такого же дня, какой был вчера, позавчера и поза-позавчера...

В таком ритме проходили все дни. Это были обычные будни, и они мало чем отличались друг от друга, не были ни интересными, ни скучными, ни новыми. Джастин растрачивал свою жизнь впустую. И так существовала вся семья Свуйт, в плотной дымке, в густом тумане с неясными силуэтами будущего.

глава 2. В прошлом году

Прошлый год выдался не менее трудным, чем два предыдущих. Джастин никого не слушал и все делал по-своему. А миссис Свуйт от этого не находила себе места, она пыталась придумать что-нибудь, что бы заставило сына услышать ее, и это ей не удавалось. Приближалось время летних каникул, заканчивался учебный год, и Джастина лишь благодаря влиянию миссис Свуйт перевели на следующую ступень обучения. Уже два года сын был недоступен для нее, а решение проблемы не приходило. Наверное, самым правильным, что на тот момент могла придумать миссис Свуйт, было именно то, что она и придумала.

Почти каждым летом она отправляла детей в какое-нибудь увлекательное путешествие по городам и странам. Но, когда Джастин с огромными усилиями закончил учебный год и не собирался ничего менять в своей жизни, миссис Свуйт сама решила изменить стратегию, выбрав вместо расслабляющего курорта поездку в необычное место, где ее сыну непременно пришлось бы мобилизоваться. С большим трудом она заставила себя отправить детей туда, где жизнь наверняка должна была показаться другой: не такой простой, как в привычном цивилизованном мире, но обязательно новой и интересной. Разумеется, по мнению миссис Свуйт. И там обязательно должно было случиться нечто такое, что заставило бы сына посмотреть на жизнь с другой стороны, отвлечься от проблем и восполнить запас растроченной энергии. В планах все это должно было вызвать в Джастине изменения, от которых сын воспрянул бы духом. И таким необычным местом оказалось простое деревенское поселение, в котором жила двоюродная бабушка миссис Свуйт, помнящая Джастина и Еву еще совсем крохами.

Деревня находилась на западе от Лландриндо Уэллс, далеко от городских традиций и правил, и она жила своей жизнью. Прежде Джастину доводилось бывать только на фермах. Много дней он проводил на ферме своего друга, и знал некоторые особенности жизни за городом. Но в деревню его не отправляли, во всяком случае, он этого не помнил. Миссис Свуйт решила, что подобная смена обстановки вполне могла благоприятно повлиять на детей, даже на Еву, к которой не было претензий.

План казался идеальным во всех мелочах. Убежденность в пользе от проведенного загородом времени, в отдалении от привычного образа жизни, в одиночестве и без постоянного контроля, заставила миссис Свуйт незамедлительно покинуть детей, как только они вылезли из машины и остались, ошарашенные, стоять перед калиткой возле старенького покосившегося дома.

Был конец июня. Погода стояла жаркая, воздух нагревался так, что, казалось, пространство плавилось от изнеможения. Удушливый ветер не приносил облегчения, он был слишком теплым и сухим. Травы и кусты размякли, словно сварившись в горячем пару. Деревья вяло покачивались, распространяя удушающий фимиам знойного лета. Из-за многообразия запахов с непривычки даже кружилась голова. От обилия насекомых на коже выступал зуд.

В напряженном молчании Джастин и Ева остались втроем с миссис Хоем, славной и доброй старушкой. Не успев толком с вечера разглядеть обстановку, утром им выпала замечательная возможность. Дети проснулись в темной душевной комнате, заставленной старой мебелью, с одним заколоченным окном и вторым – наглухо закрытым и завешенным грязным тюлем. Еву подобная обстановка смущала, но она была довольна здешней природой: роскошными древесными кронами, пышными кустарниками, красочными цветами, чистым воздухом и ярким светом теплого солнца. А вот Джастин охарактеризовал это место емким словом – дыра. Их оставили посреди пустоты. Именно это определение казалось Джастину подходящим для желтой пустоши полей и зеленой строгости лесов, окружающих поселение. Да и дом был каким-то очень маленьким, грязного серо-зеленого цвета, с покосившейся крышей, старыми потрескав-

шимися рамами, огражденный гнилым забором. И стоял он среди пары таких же домов, как тогда показалось Джастину, пустых и несчастных.

Весь первый день в деревне Джастин провалялся в кровати, обдумывая свое положение. Никакого достойного объяснения тому, почему его сюда сослали, он не нашел и погрузился в полное отчаяние. Он хотел поругаться с сестрой и обвинить ее в этой поездке, но не смог и слова сказать, лежа без сил и глядя в кривой желтый потолок. Его глаза долго привыкали к полумраку после городских освещений, но, когда привыкли, он их закрыл от отвращения. Все в комнате его раздражало: уродливые стены, протекший потолок, старая мебель, косые подоконники, отрывающиеся обои, потрескавшаяся краска, расколотое на три неровные части и заново склеенное зеркало. Все это наводило на мысль, что он в аду, и лучше бы он затаился где-нибудь в тоннелях подземки, остался бы в городе, и жил на улице, покуда мамину голову не оставила эта глупая затея. Ева весь день подходила к нему и тыкала в живот, и, если он переворачивался, в бока и в спину, приговаривая:

– Вставай, олух, помоги хоть чем-нибудь бабушке!

Джастин не мог ответить грубо, потому что на это не было сил. Он пролежал так до самой ночи без движений и без слов, обратившись в себя и оторвавшись от мира. Пытаясь понять, как мама смогла предать его и отправить в глушь, Джастин невольно вспомнил последний год своей жизни. Ясно, что ссылка стала наказанием за неуспеваемость. Хуже убийственной скуки, предстоящей медленно свести Джастина с ума, была только занудливая трель сестрицы. Ее однообразное подначивание коробило сознание Джастина, вяло борющееся с реальностью. Сопrotивляться не было смысла. Бой был проигран до того, как о нем объявили. Если бы мама предупредила, чем закончится невинная поездка загород, Джастин бы несомненно слинял. Лучше бы он проторчал на ферме Стива, среди вони и мух, выстраивая трамплины и катаясь на маунтине, чем гнил в тюрьме без решеток. Никакой надежды на благоприятный исход. Полное разочарование в жизни. Если уж родная мать решила избавиться от детей (даже от Евы), думал Джастин, чего следовало ожидать от недалекой старушечки в убогой деревушке? Погруженный в безнадежность, Джастин провалялся весь день и уснул глубокой ночью.

Утро выдалось теплое, солнечное, дул свежий ветер, трава выпрямилась, деревья величественно вытянули ветви, птицы пели с невероятным удовольствием – ночью прошел дождь! В таком триумфальном настроении прибывала вся природа. Подхватив кусочек триумфа, проснулась и Ева. Она безмятежно потянулась, покосилась на соседнюю кровать, где спал Джастин, вздохнула и вышла из комнаты, блаженно потирая глаза. В конце концов, если брат хотел утопать в тоске, его дело, пусть утопал бы себе на здоровье. Кому от этого хуже? Пожалуй, здесь не лазурный берег и не тропический лес, не горные вершины и не лабиринт из небоскребов, но поводов для паники не было. Ева всегда старалась здраво оценить ситуацию. Она во всем искала положительные стороны. К примеру, она могла наслаждаться тишиной, пока брат-олух отлеживался в кровати и никому не мешал.

Джастин проснулся от скрипа затворившейся двери, приподнялся на локти и, вспомнив, где находился, опрокинул затылок обратно на подушку. Он пролежал еще несколько минут с закрытыми глазами, надеясь, что кошмар развеется, и Джастин окажется дома, но чуда не произошло.

– Вот черт! – произнес он, проведя рукой по лицу.

Он нехотя встал, натянул серые широкие джинсы, нащупал на кровати белую рубашку и застегнул всего несколько пуговиц, после чего безвольно опустил руки, не желавшие слушаться. Он с трудом втиснулся в зашнурованные кеды, поправил руками волосы и вышел из комнаты предельно недовольный.

– Ба?! – он открыл дверь в кухню, но ничего не увидел. – На свете экономишь? – проворчал он.

Ответа не последовало, и Джастин вошел в комнату, которая одновременно приходилась и столовой, и гостиной, и комнатой отдыха, и всем, чем только можно. На столе он увидел кружку горячего чая и сразу потянулся за ней. Когда чай был почти выпит, в комнату вошла Ева и раздраженно крикнула:

– Болван! Для тебя что ли налито? – она вырвала кружку, расплескав остатки Джастину на руки, и удалилась в кухню.

Джастин скорчил отвратительное лицо, силясь высказать недовольство, но смолчал. Обтерев руки о джинсы, он обреченно понял, как сильно влип. Вернуться в город не представлялось возможным даже при сильном желании. Денег не оставили, мобильники отняли. Когда прошлым утром Джастин попытался отыскать свой телефон, он нигде его не обнаружил. Порывшись в вещах сестры, не нашел и ее мобильник. Обманут, брошен и забыт. И самое печальное, что здесь совершенно нечего делать. Ну, чем можно занять себя вдали от цивилизации?

Чтобы не гнить в душном доме, больше похожем на пристанище беспризорников, он решил прогуляться и попытаться найти хоть что-нибудь, что может его развлечь. Он прошел по темному коридору, наткнулся на дверь, чуть не врезавшись в нее лбом. Вслепую отворил ее и нащупал на стене выключатель. Загорелся слабый свет, и Джастин увидел лестницу, по которой позавчера с трудом забирался наверх. Ступени были узкими и кривыми, их края стоптанными и скользкими, а перила, ограждающие левый бок – тонкими и покосившимися. Джастин осторожно спустился, опираясь на стену с правой стороны, всю треснутую и обшарпанную. На последней ступеньке он поскользнулся и почти упал, но вовремя схватился за перила, которые тут же разъехались.

– Вот блин, – проворчал он себе под нос.

Осторожно продвигаясь вперед, он нащупал маленький ржавый замочек на входной двери, отворил засов и с силой открыл дверь. В глаза ударил яркий свет. Джастин незамедлительно заслонил лицо рукой и зажмурился. Он ощутил себя обитателем ночи, ошибочно выползшим из своей норы днем. Глаза с непривычки заболели. Хмурясь от солнца, он неторопливо изучил территорию. Как и прежде дом показался старым и некрасивым, забор сгнившим, а двор убогим. От безысходности Джастин вздохнул. Со вздохом в тело проникло тепло, и, чуть погодя, Джастин переоценил ситуацию.

Хотя бы погода оказалась на его стороне, так что он решил осмотреть окрестности, в надежде успокоиться и найти хоть что-нибудь примечательное. Он шагал медленно, но уверенно, и со стороны мог показаться вполне довольным собой. Вокруг рисовались деревья, кусты, травы, цветы, – и все это благоухало, покачиваясь от легкого ветерка. На старые и кривые дома Джастин не обращал внимания, он просто не смотрел на них, отводя взгляд к какому-нибудь мелкому цветочку или камушку. Он шел, сложив руки в карманы, непричесанный, зажатый в себе от недовольства, шел человеком совершенно другого мира, далекого от здешней размеренности. В большом городе всегда было суетливо. Даже если Джастин сам не участвовал в событиях, а только наблюдал за ними, он все равно чувствовал себя причастным к ним. Не важно, через что он наблюдал: через окно, сидя в парке на лавке, или за монитором компьютера, – там постоянно что-то происходило. А здесь? Джастин отчаянно искал хоть что-нибудь, что зацепило бы его взгляд. От полного безделья становилось невыносимо. Мучительно передвигать ногами под палящим солнцем, болезненно вдыхать горячий воздух, тошнотворно видеть вокруг себя одинаковый пейзаж. Оказаться в тюрьме без обозначенных границ, хуже, чем сидеть взаперти дома. Джастин отказывался верить в то, что мама решила на столь жесткие меры в наказании. Возможно, путешествие он и не заслужил, но почему нельзя было оставить его дома? В привычной обстановке. Наказала бы за отметки отсутствием отдыха. Или привычную обстановку Джастин тоже не заслужил? Он мучил себя вопросами и медленно продвигался вперед.

Он подумал, что мама специально выдернула его из уютной раковины, в которую Джастин, по ее мнению, себя заточил, чтобы он очнулся. Вышел из спячки. Ведь именно так о нем думали родные, что Джастин провалился в небытие, погряз в своем мире, отстранился от общества. И даже когда он выходил на улицу, чтобы наладить отношения с этим самым обществом, его все равно считали разбитым и унылым. Как часто говорила Ева, он напоминал ей живой труп, без эмоций и желаний. А когда Джастин проявлял интерес к спорту или друзьям, его обвиняли в бестолковости. В общем, чего от него хотели добиться, он искренне не понимал, так же, как не понимал способы, которыми его доставали. Он пытался наладить свою жизнь сам, и ему было гораздо проще делать это в городе. Как привести себя в чувства здесь, он не имел ни малейшего понятия.

Джастин поник. Вроде, погода стояла хорошая, можно было кататься на скейте, так нет. Ни связки асфальтированных дорог, ни скейта. Уныние и отчаяние, припекаемые солнцем, превращались в равнодушие. Джастин медленно брел по улице и даже не заметил, как покинул пределы деревни. Скучный пейзаж из густого леса и засеянных полей вдруг заблестел переливами вдалеке. Поначалу Джастин не обратил на это внимания. Он неохотно дотащился до границы, где трава переходила в яркий горячий песок, инстинктивно остановился и задумался. В опустевшую голову с трудом проникал внешний шум. Глаза безвольно уставились в одну точку, как будто Джастин медитировал. Через силу он заставил себя осмотреться и только тогда увидел пляж. Стояла возня, отовсюду летели брызги, доносились звонкие голоса, и ласковый шелест деревьев сопровождал все действие сладкой мелодией теплого ветра. Вода задорно блестя на солнце, и где-то в лесу случайная птица подхватывала тонкую музыку всплесков волн и смеха. Внезапно Джастин услышал все это и остолбенел.

Деревня оказалась не такой уж безлюдной и пустой. Доносящиеся голоса врезались в голову, шелест листвы стал невыносимо громким, всплески разлетелись с дребезгом разбитого стекла, от количества красок перед глазами поплыло. Джастин зажмурился, оценивая, как лучше использовать увиденное.

«Значит так, мне нужно взбодриться».

Быстро перебрав в голове причины ссылки, Джастин снова пришел к выводу, что мама надеялась растормозить сына, отвлечь его, занять голову чем-то принципиально новым, отличным от городских забот. Жаль только, она не понимала, что проблемы везде одинаковые. Впрочем, контингент представился необычный.

Джастин придумал, как себя развлечь.

Он осмотрелся и заметил нескольких неприятных типов, двух парней нормальной наружности и около десяти девчонок. Он слегка потянул уголок губы вверх и стал вглядываться внимательнее. По телу прошла приятная дрожь, план действий развернулся в его голове. Джастин решил, что «своим» он тут никогда не станет, поэтому не стоило даже пытаться завести приятные знакомства. В общем, и не хотелось ни с кем знакомиться. Самое милое дело – подражаться, чтобы хоть немного прийти в чувства. Джастин нашел для себя верный способ, как развеять скуку!

Он дошел до воды. И хоть никто не обратил на него внимания, это ничуть его не задело. Все естественно, ведь сейчас он был тенью хищника, выбирающего жертву. Но зацепиться оказалось не за что. Все были слишком заняты собой. И Джастин продолжил наблюдать.

Парни, все заметно старше Джастина, крича от удовольствия, прыгали с крутого отвеса. Девчонки же в основном залезали в воду осторожно, опасаясь ее прохладной колкости. И лишь одна, яркая и выразительная, стройная, черноволосая девушка, – рванула в воду с отвеса и растворилась в ней на минуту. Вынырнула она далеко от берега и игриво поманила к себе парней. Ребята попытались ее догнать, но никто не поспел. Она с легкостью уходила от каждого нелепого преследователя. Они выдыхались и возвращались на берег ни с чем. В шуточной схватке она оставалась неоспоримой победительницей. Она заплывала так далеко, что превращалась в

точку, и снова возвращалась на берег. Снова ее никто не мог догнать. Наблюдать эту картину было забавно. Но вскоре девушке надоело плавать в гордом одиночестве, и она вышла на берег, окатив брызгами каждого проигравшего. Она не смеялась, но по лицу было видно, что внутри испытывала удовлетворение.

Наконец, она посмотрела в сторону Джастина, словно уже видела его раньше, и он тоже был одним из тех парней, которые не поспевали за ней в воде. Она прошла мимо, оглядев его большими черными глазами. Эти глаза заметили Джастина с самого начала, как он пришел, но они выжидали подходящего момента, чтобы Джастин тоже заметил их. Джастин понял это, как только заглянул в них. Девушка прошла мимо и присела в тени крепкого дуба на мягкой траве, прикрыв ноги полотенцем. Джастин улыбнулся и повернул голову в ее сторону. «А вот и приманка!» – радостно подумал он.

Джастин только повернулся, чтобы сделать шаг, как сразу же заметил, что с противоположной стороны за ним все-таки наблюдали. Немного впереди справа, в тени стоял высокий черноволосый парень. На вид он казался крупнее остальных, может даже старше; смуглый, стройный, хорошо сложенный. Он не участвовал во всей этой возне, даже не был одет для купания. Видимо, он стоял там исключительно, чтобы наблюдать и контролировать ситуацию. И как только Джастин развернулся к девушке, парень громко свистнул.

Предупредительный свист предназначался именно Джастину, мол, проходи мимо. Но в ответ Джастин широко улыбнулся, медленно растягивая губы, и расправил плечи, предвкушая веселье. Вот и зверь!

Он подошел к девушке. Она лениво ощипывала травку и совершенно не смотрела в его сторону, словно его там и не было.

– Надоело плавать? – сдержанно спросил Джастин, а внутри почувствовал воодушевление.

– Нет... Все надоело, – призрачно ответила она сквозь небольшую паузу очень нежным и серьезным голосом. Она не взглянула на Джастина, продолжая выщипывать травинки.

– Да, здесь скучно...

– Но лучше, чем в пыли большого города, – перебила девушка и приподняла голову, закрываясь рукой от солнца.

Джастин, не спеша, рассматривал прекрасные линии ее тела, роскошные черные волосы, пышную грудь, интригующую улыбку. За секунду общения с ней Джастин даже пересмотрел свое пребывание в деревни и отметил, что в нем определенно оказалось нечто приятное.

– Ты ведь оттуда. И вид у тебя смешной.

Джастин удивился, чего в нем смешного, но спрашивать не стал. Он мигом осмотрел себя, незаметно пробежав глазами по рубашке и джинсам.

– Как тебя зовут? – девушка поднялась, отложив полотенце, и взглянула Джастину прямо в глаза.

В тот момент Джастин решил, что никогда в жизни он не забудет эти глаза: такие большие, красивые, окаймленные густыми мягкими ресницами, притягательные глаза, глаза цвета плодородной земли. Девушка посмотрела на него так завораживающе, что на секунду Джастин растерялся.

– Джастин, – ответил он, ощущая, как приятная волна энергии стала подниматься откуда-то изнутри.

– А я Руби.

Девушка явно чего-то затеяла. Это отразилось во взгляде, но Джастину понравился таинственный блеск и смех ее глаз. Руби жестом попросила Джастина подождать и прошла мимо черноволосого парня, озадаченного появлением незнакомца на их пляже, и явно неодобрившего поведение девушки. Она приблизилась к разложенным в несколько отдельных стопок

вещам: из одной достала длинную свободную юбку светло-зеленого цвета, а из другой блузку и яркий браслет на правую руку, надела их и вернулась к Джастину.

– Может, пройдемся? Так надоело все это... – и, не дождавшись ответа, вышла на дорогу.

– Пошли, – взглянув на парня, с удовольствием отозвался Джастин.

Он догнал Руби и присоединился к ее шествию по теплой лесной дороге. Солнце стояло позади, и впереди идущих вырастали тени. Джастин внимательно наблюдал за лицом девушки, пытаясь догадаться, о чем она думала. Но глаза ее с прохладой смотрели вперед, не давая Джастину ни единого шанса на догадку. Вдруг Руби переменялась. В глазах блеснул огонь, она улыбнулась, как бы смирившись с чем-то, и оживленно подхватила край юбки. Она стала резво перебирать ногами, отщелкивая пальцами мотив фламенко. Не отрывая взгляда, Джастин рассматривал ее фигуру, ее изящные движения, и сам стал прищелкивать в такт.

Незнакомка развеселила его. Уныние быстро растворилось. Джастин почувствовал прилив сил. Ее необычный танец, соблазнительные движения, роскошная улыбка и притягательный взгляд заставили Джастина забыть о хандре. Мучительная тоска отступила, освободив место предвкушению.

Вдруг девушка остановилась и очень задумчиво повернулась к Джастину.

– Ева, – протянула она. – Твою сестру зовут Ева?

– Да, – недоумевающая, ответил Джастин. – Ты ее знаешь?

– Видела вчера. Так это ваша мать приезжала с города?

– Наша, – настороженно ответил Джастин.

– А, – она обхватила Джастина за плечи и улыбнулась. Потом отпустила его и пошла дальше. – Ты не волнуйся. Я просто вспомнила твою мать. Она приезжала сюда, и, наверное, привозила вас, когда вы были совсем маленькими... почти как я, – девушка звонко рассмеялась. – Похоже, ты не помнишь. Ты тогда даже не видел меня. Такой был славный малыш!

– Наверное, – Джастин задумался. Он думал, что попал в эту глушь впервые. – Хорошая же у тебя память...

– А ты здорово вырос! Красивый какой стал! Вы живете у миссис Хоем?

– Где еще нам тут жить? – пренебрежительно ответил Джастин.

– Мэри Хоем очень добрая женщина. Зря ты так.

– Как? – снова удивился Джастин.

– Что как? Я же вижу, что ты не доволен. Неужели город так портит людей?

Джастин обиженно отвернулся. Почему все считали его испорченным? Он что, прогнивший фрукт что ли? Да что эта девчонка могла о нем знать?

– Мистер, люблю город, – откровенно веселясь, обратилась девушка, – ты злишься?

Джастин отрицательно покачал головой.

– Вот и правильно. Нечего на меня злиться, – наставнически проговорила она. – Я не понимаю, как можно не любить природу? Природа мать наша. Она заставляет думать о поступках. Все, что мы делаем, отражается в ней, и она благодарит или наказывает нас.

Джастин пренебрежительно оглядел странную девушку. Будет сложно, если она тоже начнет учить его жизни. Девушка же хитро сощурилась.

– Так ты скучаешь по душному городу? – предположила она.

– Нет. Все не так. В общем, все нормально, – не объяснять же ей, что здесь вообще самое худшее место на планете. Все равно не поймет.

Руби посмотрела на Джастина и улыбнулась. Сколько коварства мелькнуло в ее взгляде. Она приложила палец ко рту, чтобы Джастин больше ничего не смел говорить, и медленно повернула вправо, когда дорога уткнулась в развилку.

Еще несколько минут они шли в тишине и остановились возле заброшенного, заросшего домика. Видимо, хозяева давно не посещали свои владения, не убирались тут и не стригли газон. Дом стоял среди густо заросших кустов, поодаль от дороги, и напоминал большой воло-

сатый холм. Руби пролезла во двор. Она прошла сквозь высокую траву, пробралась под кустом и оказалась перед домом. Джастин последовал за ней. Как только он ее догнал, она обошла дом сзади и влезла на дерево, с которого легко перепрыгнула на тонкий карниз. Оттуда девушка убедилась, что ее спутник все еще следовал за ней, и заползла в открытое окно. Джастин проделал то же самое. И как только он перевалялся через раму, Руби прикрыла окно шторой.

– Здесь никто не живет, – пояснила она.

Там и правда давным-давно уже никто не жил, но принадлежал этот дом одной ворчливой, как ее охарактеризовала Руби, старухе, очень скучной и не терпящей посягательств на ее собственность. Сама старуха жила где-то в их деревне и при любом удобном случае любила напомнить Руби, что если она ее поймает, то высечет за то, что Руби лазает в ее дом. Но Руби казалось, что дом давно уже ничей, и она вполне могла посещать его, когда хотела. Этим тайным знанием девушка поделилась с Джастином без всякой осторожности, как со старым знакомым. Когда она заговаривала, Джастину действительно казалось, что они знакомы как минимум все лето. Впервые он почувствовал себя свободно и очарованно любовался девушкой.

Внутри дом был наполовину сгоревшим, нижний этаж не годился для посиделок, а наверху почти все стены сохранили прежний вид, только пылью покрылись и выцвели. Руби любила подолгу оставаться наверху и размышлять на самые разные темы, сидя в тишине и одиночестве. Она села на диван, забравшись на него с ногами. Джастин заметил, что ее босые стопы стерты, кожа на них была грубой, потрескавшейся и потемневшей. Наверное, девушка часто разгуливала без обуви, подумал он. Она заманчиво улыбнулась и жестом позвала Джастина к себе. Тот не без удивления подошел, осторожно осмотревшись вокруг, как будто кто-то мог их застукать. В новинку оказалось почувствовать себя объектом изучения, пристрастного и неотрывного. Ее взгляд не походил на дотошные взгляды одноклассников. Она изучала Джастина с любопытством и без осуждения.

Джастин присел рядом. Руби улыбнулась. Заправив непокорные волосы за уши, она приблизилась к нему почти вплотную. Она долго и пристально рассматривала его. Совсем непривычно и неуютно было от того, что девушка проявляла такой интерес. Джастин забыл, что такое внимание.

Руби отвела взгляд. Она задумалась, но вскоре снова повернулась к Джастину, нежно улыбаясь.

Внутри словно разгорелся костер. Дыхание почему-то сбилось, жар стал ощущаться во всем теле. Джастин с восторгом подумал о том, что охота выдалась невероятно удачной, раз кроме зверя в капкан попала диковинная птица. С ней стало гораздо интересней. Джастин предвкушено вдохнул.

Девушка облизала губы и приоткрыла рот, но вдруг сделалась очень удивленной и строго спросила:

– А сколько тебе лет? – и отодвинулась назад.

– Это имеет значение? – ровно, будто наслаждаясь моментом, спросил Джастин.

– Мне интересно, – игриво и отрешенно отозвалась Руби.

– Шестнадцать. А тебе? – момент точно был упущен. Джастин растеряно почесал затылок.

– Какой ты не воспитанный! – очень резко, но шутливо прозвучал ответ. – Разве в городе тебя не научили манерам? Спрашивать у девушки ее возраст – неприлично!

– Ладно, извини, – Джастин понял, что попался на какую-то издевательскую уловку.

Внутри все оборвалось. Но, несмотря на это, все вдруг стало очень интересным и необычным, притягательным, словно, он попал в другой мир, где перестали существовать прежние правила. Словно в одну минуту исчезло все, что так долго его тревожило. Джастин почувствовал себя свободным, совершенно свободным от прежних мыслей. И это ему понравилось. Ему

понравилась игра, которую затеяла Руби, и которая самому Джастину уже почти пришла на ум. Они оба нашли друг в друге возможность привнести в свою обыденную жизнь нечто свежее.

– А ты всегда живешь в деревне? – уже довольный и преисполненный новым смыслом, Джастин влился в игру.

– всю жизнь! – счастливо отозвалась Руби. – Здесь мой дом!

– И ты никогда не хотела переехать в город?

– Хотела? Чего туда хотеть?

– А чего там плохого? – Джастин непонимающе уставился на девушку.

– Я не говорю, что там плохого, просто для меня там нет хорошего.

Джастин не понял. И хоть он ничего не знал о жизни Руби, все же подумал, что она переехала сюда именно из города.

– В городе мои родители, – будто бы, уловив его мысль, пояснила Руби. – Приемные. Вообще-то, я из цыганской семьи, – Руби сообщила об этом очень печально, и Джастин понял, что эту тему лучше не затрагивать. – Мне не нравятся городские устои и правила. Это все... скучно.

– Жаль, – Джастину захотелось сменить тему.

– А мне не жаль! – девушка переменялась в лице. – Приемные родители хотели сделать из меня “Человека”... в их понимании. А я нет. Вот меня сюда и отправили, к бабке, – на этих словах Руби смягчилась. – Она у них добрая... и всегда старалась поддержать во мне истинный дух романиста. Понимаешь?

Джастин кивнул. Он с трудом представил, как из свободолюбивой цыганки вылепливали английскую школьницу, и почему-то сразу вспомнил про Еву.

– А твой парень?

– Парень? – удивленно переспросила Руби. Ее глаза глубоко почернели. – Ты об этом чудовище?

– Ну, уж не знаю... – усмехнулся Джастин. В голове его промелькнула захватывающая мысль: «Здесь оказалось так много способов себя развлечь! Столько возможностей потешиться!»

Неожиданно Руби звонко рассмеялась. Но через мгновение она опустила глаза и сделалась серьезной:

– Вот и не говори, раз не знаешь.

Джастин даже испугался ее леденящего душу голоса, прозвучавшего так строго, что вся комната замерла в ожидании. Но тут же Руби улыбнулась.

– Смотри, – она ткнула пальцем Джастину в грудь, – рубашку заляпал! – Джастин наклонил голову. – А! Обманула... глупенький!

Руби звонко рассмеялась и слегка ущипнула Джастина за нос. Спустя мгновение она ловко поднялась, словно в танце. Изысканная фигура, плавные движения. Она раздражила Джастина.

Девушка подошла к окну. Усмирив нового знакомого взглядом, чтобы тот не рыпался с места, она неторопливо присела на пол. Несколько часов она рассказывала Джастину о том, какие люди жили в этой деревне, и ни разу не упомянула о парне с озера. Рассказывала о том, как прекрасна здешняя природа, и о чем цыганка любит мечтать, тайком забираясь сюда. Ей удалось убедить Джастина в том, что жизнь за городом не так уж скучна и однообразна. У обитателей пригородов оказалось много забот, о которых Джастин и не подозревал. Помимо работ на полях и в садах, куча дел по дому. Так же, как на фермах, многие держали скот. Все это, конечно, было далеко от Джастина, но не так утомительно, как предполагалось. Увлечшись беседой, Джастин не заметил, как за окном стемнело.

Вечером пришла прохлада. Природа прекратила изнывать от жары и затихла в полумраке. В небе зажглись звезды, такие яркие и большие, каких в городе просто не бывало. Джа-

стин попросился проводить Руби до дома, отдал ей свою рубашку и, сам немного замерзая, следовал за ней, довольный и спокойный.

– Вот и пришли, – произнесла Руби, когда они приблизились к большому покосившемуся дому на краю деревни. – Я пойду. Вот, держи, – она отдала рубашку и направилась к двери. – И ты не стой. Уходи.

Джастин надел нагретую телом Руби рубашку и двинулся прочь. Он шатался по окрестностям еще несколько часов. А когда наткнулся на красивую яблоню, сверху донизу усыпанную румяными плодами, задумался, почему у него сводило желудок. Резкая боль напомнила, что утром Джастин не позавтракал. Выпил пустой чай, и то не полную кружку, потому что Ева отняла и ее.

Джастин сорвал пару яблок и с удовольствием их съел. Удивительно вкусными показались яблоки, которые в городе он терпеть не мог. Голод еще не ушел, тело продрогло, и плюс ко всему захотелось спать. Воздух застыл в холодном молчании, окружившем Джастина. В сумерках незнакомая местность показалась пугающей. Джастин поспешил завершить свою исследовательскую прогулку и направился к дому.

Он вернулся усталым и, впервые за два года, довольным. Ева, которая еще не спала, не могла поверить, что видела брата. Она быстро подогрела ему еду и налила чай. Джастин, молча, все съел, выпил, ничего не сказал, но был удовлетворен, и Ева это поняла. Он лег спать, а она задумалась. Она бы ни за что не узнала его, если бы не видела собственными глазами. Он был спокоен, тих, смирен и доволен. Ей очень хотелось спросить, что случилось, но пока он ел, она не смела нарушать покой. А после еды Джастин быстро уснул. Тогда Ева решила, что так даже лучше. Может быть, он придет в себя здесь, в деревни, и снова станет ее прежним братом.

глава 3. Игра окончена

«Девушка. Цыганка. Строгая, забавная, необычная... Родители в городе, живет у бабки» – крутилось в сонной голове. Дом уже давно встретил рассвет, но Джастин никак не хотел просыпаться.

– Поймал! – сквозь сон выкрикнул он, приподнимаясь с дивана.

– Джастин? – из соседней комнаты донесся встревоженный голос сестры. Джастин притих. Он снова оделся, как вчера, и вошел в комнату, где сидела Ева.

– Причешись и садись завтракать, – мягко скомандовала она.

Сестра улыбалась какой-то странной улыбкой: ехидной, самодовольной? В чем он провинился и провинился ли вообще, Джастин не вспомнил, но насторожился.

За маленьким круглым столиком сидела миссис Хоем. С широкой улыбкой старушка наблюдала, как Ева накрывала на стол. Джастин причесался и даже помог Еве разлить чай. Но только Ева открыла рот, чтобы задать ему вопрос, как он тут же произнес:

– Отвали, – тихо, чтобы миссис Хоем ничего не расслышала, хотя для этого не нужно было шептать.

– Хм, – обиженно хмыкнула Ева и присела за стол.

Завтрак прошел, и Ева собирала посуду. Джастин следил за ней, наблюдая за лицом. Улыбка исчезла, и Ева снова превратилась в привычно обиженную и слегка взвинченную сестру. Джастин дождался, пока из дома выйдет старушка, до жути медлительная и неприятно пахнущая, и решил встать.

– Куда собрался? – не выдержала Ева.

– Не твое дело.

Похоже, она ошиблась на его счет. Джастин нагулялся в свое удовольствие, но ни капельки не задумался о поведении.

– Там во дворе лежат поленья, их нужно расколоть на дрова.

Джастин промолчал. Стараясь избежать сурового взгляда сестры, он медленно вышел из-за стола.

– Вот гавнюк! Вернись сейчас же! Не вздумай уходить просто так! – Ева начала нервничать, что Джастин уйдет и не выполнит просьбу.

– Спокойно, – для убедительности тоже спокойно произнес брат и вышел в коридор.

О затворившуюся за ним дверь ударило что-то тяжелое, но Джастин не различил по звуку, что именно, и решил поскорее убраться. «Вот гадина...» – хотелось думать, но мысли заполнились предстоящим днем.

Снова Джастин вышел на улицу, залитую ослепительным мягким светом. Снова все благоухало и покачивалось от дуновения нежного теплого ветра. И на этот раз Джастин оценил красоту. С наслаждением вдохнул свежий воздух, расправил плечи, воодушевленно усмехнулся. Чтобы лучше все разглядеть, он заправил за уши челку. Свежим взглядом удалось обнаружить гораздо больше домов, чем прежде. Аккуратные маленькие постройки плотным рядом тянулись вдоль улицы, как в пригородах, и многие из них прилично выглядели. Вокруг одного дома раскинулся дивный сад с множеством прекрасных цветов и душистых трав. Ограждал дом высокий забор, совсем целый и недавно выкрашенный. Дом тоже был свеж и цел. Осмотревшись вокруг, Джастин понял, что подобных домов много. И за забором каждого скрывалось что-то особенное. У кого-то был вырыт небольшой пруд, и вокруг него разрастались роскошные яблони, у кого-то раскинут маленький сад с удивительными цветами. Всего этого Джастин прежде не замечал. У иных соседей стояло посмотреть на сам дом. И даже дом миссис Хоем теперь показался Джастину чуточку светлее, прямее и красивее.

Настроение переменялось. Джастин чувствовал, как с каждым вдохом в его легкие стало проникать непонятно откуда взявшееся спокойствие и удовлетворение. Даже померещилось, что в его жизни всегда было именно так. Наконец, в голове прояснилось. Джастин почувствовал себя свободным, сильным и преисполненным смыслом, даже просто – счастливым. Как будто вновь у него появилось право на радость.

Он поспешил к озеру. Увидев песчаную полосу берега, он огляделся. Снова подступило сладостное чувство наслаждения. Джастин еще не понял, почему так себя ощущал, но решил, что все это благодаря нехитрой задумки.

Он заметил, что черноволосый юноша выглядел настороженным, и улыбнулся этому. В ответ парень отрицательно покачал головой, но Джастин предпочел не замечать этого. Мгновение спустя, он увидел Руби, такую же красивую и грациозную, как вчера. Улыбка непринужденно расплылась на его лице. Но, когда девушка прошла мимо, она даже не посмотрела в его сторону, будто не знала его. Джастин почувствовал неприятный укол в груди. Ощущение тепла и уюта резко куда-то делось. На смену пришла прохлада. Черноволосый парень видел, как лицо Джастина превратилось в пустую маску, и самодовольно хмыкнул, когда Руби отошла от чужака. Недолго думая, Джастин снова поменялся в лице. Оставив глупые мысли, он вернулся к первоначальному плану. Появилась хитрая тень улыбки.

Руби подошла к какой-то девушке, посмеялась с ней, а остальных окинула свирепым взглядом. Она поправила волосы, сняла юбку, и, разбежавшись, растворилась в золотом сиянии прохладной ряби озера. «Надеешься, что и сегодня тебя никто не догонит? Так не пойдет...» – подумал Джастин и тоже разделся.

Чем больше зверь будет разъярен, тем сладостней станет вкус победы над ним. С такими мыслями Джастин окинул строгого юношу, наблюдавшего за ним веселым взглядом. И потом, несправедливо, по мнению Джастина, что Руби уплывала ото всех и была единственной победительницей, никогда никому не оставляющей шансов догнать ее. Эту ситуацию Джастин решил исправить. Он разбежался и также незаметно, как она, слился с водой, заставив удивленный пляж замолчать. На берегу все напряженно замерли. Птицы почему-то перестали петь, ветер стих, а вода превратилась в идеально гладкую поверхность. Скоро Джастин вынырнул. Все еще стояла тишина: молчал берег, молчала природа. Небо зависло в тревожном спокойствии. Застыл нежно голубой лес и его плотные стволы, корни которых проникали прямо в озеро. Заряженный воздух ворвался Джастину в легкие.

Руби оказалась недалеко справа. Джастин убрал длинные пряди волос, пригладив их к затылку, и направился к ней. Девушка начала уплывать.

Вот и погоня!

Джастин нырнул под воду и решил настигнуть ее незамеченным. Он прекрасно плавал. Когда-то они с Евой ходили в бассейн, и Джастин любил пугать сестру, внезапно выныривая перед ней или хватая ее за ноги.

Под водой он плыл с открытыми глазами, и хоть вода была мутной, мог разглядеть, в каком направлении двигалась девушка. Дыхания хватило надолго, и даже спустя минуту, он мог продержаться еще долго, но уже подобрался вплотную. Он резко вынырнул прямо перед девушкой и обыкновенно широко растянул губы, изображая улыбку. Руби испугалась, но постаралась скрыть это. Она напряженно сглотнула и улыбнулась Джастину.

– Зачем ты уплываешь от всех? – отдышавшись, спросил он.

– Наоборот. Все отстают от меня, – она выразительно посмотрела на парня, а потом утомленно зевнула.

Джастин расслабился. Он подумал, что небрежное игнорирование на берегу было продолжением игры, и сейчас девушка была по-прежнему заинтересована в нем.

– Кто первый до берега? – игриво произнесла цыганка и тут же поплыла.

«Ну конечно, я же только что запыхался плыть сюда!..» – промелькнуло в голове, но Джастин решительно двинулся вперед. Он уверенно плыл, догоняя цыганку и растягивая улыбку. Пару раз нырял и продвигался под водой, что выходило эффективнее. В конце концов, он обогнал Руби и вышел на берег с большим отрывом. Он тихо рассмеялся, протянув девушке руку, когда та выходила из воды заметно уставшей. Руби тоже рассмеялась, и этот смех лучше солнечного света согрел Джастина.

Берег все еще молчал. Мужская половина пляжа встретила Джастина тишиной и нервным спокойствием, заметив которое, Руби изменилась в лице. Она подошла к своей одежде, наспех отойдя от Джастина. Смуглый юноша толкнул локтем своего друга, гневным взглядом указав на чужака. Он повернулся к нему вполборота и стал что-то шептать. Джастин предвкусно улыбнулся, будто ожидая, что сейчас произойдет то, к чему он так старательно готовился. Мысли его по-прежнему были заняты игрой. Словно ребенок, он искренне обрадовался, что смог задеть гордыню взрослого парня. Но вместе с этим Джастин почувствовал нечто большее. Ему захотелось дышать, захотелось смотреть в небо и смеяться, захотелось что-нибудь изменить в своей жизни. Ему даже показалось, что он чувствовал, как по его венам текла кровь, как расширялись от свежего воздуха легкие, как радостно блестели глаза. На миг он ощутил себя прежним. Он подумал, что два года ему не хватало именно свободы.

Вдруг подошла Руби, одетая в длинную яркую юбку и легкую блузку поверх купальника, завязанную узелком на груди. Она взглянула Джастину в глаза и произнесла, крепко схватив его за руку и дернув к себе:

– Пошли, здесь скучно, – она выглядела озадаченно.

По пути Джастин успел подобрать свои вещи, но не смог остановиться, чтобы надеть их: Руби с силой тащила его за собой. Выходя на дорогу, он обернулся на пляж и на людей, окинув всех лукавым взглядом, обещавшим вернуться. Но реакцию он не увидел, так как солнце дерзко подмигнуло ему, ослепив пламенным отблеском.

– Ладно, малыш, – начала Руби, когда они прилично отошли от озера и остановились, чтобы Джастин оделся. – Эти ребята не для тебя.

– А в чем дело-то? – мило улыбнувшись, спросил Джастин.

Руби отвернулась. Джастин заметил, что по непонятным ему причинам, девушкой овладела тревога, или даже страх. Джастин надел джинсы, кроссовки и стал застегивать пуговицы на рубашке, пытаясь понять, что именно обеспокоило цыганку.

– Пойдем отсюда, – ровно и строго проговорила она.

Джастин не ответил, но последовал за ней. Они снова дошли до развилки, но на этот раз свернули влево. Примерно через сто ярдов Руби сошла с дороги и спустилась в поле, наполовину желтое от засухи. Подул ветер. Мгновение спустя он стал сильным на открытом пространстве. От его порывов по полю постоянно пробегали высокие волны, блестящие и горячие. Небо сливалось с землей в далекой тишине и казалось плотным и недоступным. Лишь изредка проплывали мягкие облака, растягивающиеся и меняющие форму.

Руби прошла в глубь поля. Она остановилась возле выставленных в ряды стогов сена. Несколько стогов, собранных в высокую пирамиду, могли заслонить от ветра и приютить в тени, скрывая от палящего солнца. Руби повернулась к Джастину. Ее лицо непроницаемо серьезное вызвало в Джастине улыбку. Он растянул губы неприступной красоте этой причудливой девушки. Ее загорелое тело обдувал ветер, ласкал кожу и раздувал слипшиеся из-за воды пряди волос. Приглаженная с одной стороны к ногам юбка, с другой стороны свободно развивалась в воздухе. Блузка подергивалась на ветру, и ветер настойчиво залетал под узелок. Джастин безмолвно любовался, вкушая запах лета.

– Иди сюда! – перекрикивая шум травяных волн, Руби обратилась к Джастину. – Не стой там, глупый...

Когда Джастин подошел, Руби уже забралась на один из стогов, и поманила его к себе. Он тоже забрался, и они вдвоем зарылись в сене настолько глубоко, насколько смогли.

– Ничего не говори, – начала Руби. – Просто отдыхай. Наслаждайся моментом.

Джастин хотел возразить, но не стал. Слишком мало ему было одного момента. Джастин хотел большего. Он с сожалением подумал, что игра закончилась, так толком и не начавшись. Но когда посмотрел на девушку, выискивая хоть какую-нибудь зацепку, цыганка улыбнулась. Джастин облегченно выдохнул, расценив это, как новую уловку. И, хотя улыбка показалась Джастину слегка тревожной, ему захотелось проверить, о чем эта тревога. Могла ли девушка искренне беспокоиться о незнакомце? Джастин прекрасно понимал, что это всего лишь игра. Всего лишь два одиночества нашли друг друга в скучном мире и решили сделать его немного веселее. Однако сам он всегда верил в то, что делал, каким бы безумством это ни казалось для других. Будь то сумасшедший прыжок с трамплина с переворотом на семьсот двадцать градусов или дразнение опасного незнакомца флиртом с его девушкой. Именно вера в то, что он делал, напомнила ему старую реальность: чувства, мысли и желания. Ему казалось, что он мог жить дальше, мог чувствовать все то, что когда-то приносило радость, мог снова обрести смысл и настойчиво следовать идеям и принципам, которые он растерял. Только если Руби не откажет ему в этом. Джастину показалось забавным, что именно цыганка заставила его задуматься о будущем.

В полном молчании и спокойствии прошло много часов. Джастин даже удивился, как быстро стемнело, а ему совсем не было скучно или тошно от безделья. Потом он понял, что все это время спал. Испуганно обернувшись, он обнаружил спящую рядом Руби. Она не ушла, не оставила его в одиночестве. На лице девушки отражалась полная безмятежность. Густые черные брови расслаблены, на загорелой коже ни единой морщинки.

Ветер унялся, пришла тишина. Солнце садилось и не освещало теперь небо и поле ядовитым ярким светом, лишь мягким угасающим теплом оно напоминало о дневной жаре. Джастин приблизился к Руби, чтобы рассмотреть ее лицо ближе: нежное, мягкое и спокойное. Она неподвижно спала, сомкнув губы, будто в легком поцелуе. Джастин провел по ее щеке теплой ладонью, но вдруг отдернулся. Руби резко схватила его за запястье и открыла глаза. Увидев перед собой Джастина, она ослабила хватку и улыбнулась.

– Ты еще тут? – она села, задев щекой его щеку.

Какой теплой и нежной была кожа! Джастин повернулся и растерянно посмотрел ей в глаза. Почему она хотела, чтобы Джастин ушел? Он отрицательно помотал головой.

– Ты такой милый, – очень загадочно произнесла девушка. В ней что-то происходило, и это было видно. Джастин подумал, что Руби не в первый раз приходилось дразнить кого-то, одурманивая своей красотой. Если это было для нее естественно, почему она решила все прекратить? – Мне двадцать лет, – сказала она, но Джастин не ожидал этих слов. Он искренне удивился.

– Я уже не спрашиваю, – растерянно отговорился он.

– Ты не понял...

– Я, действительно, не понял, – признался Джастин.

– Глупый, – нежно протянула она. А потом серьезнее добавила: – Вот видишь, ты еще глупый.

– Ты издеваешься? – снова не понял Джастин.

– Напротив. Ставлю тебя в известность.

Джастин нахмурил брови так, будто пытался что-то понять и в очередной раз не мог этого сделать. Он вдруг предположил, что заигрался, но быстро выкинул это из головы, потому что веселился всего два дня. Предположил, что Руби могла отнестись к затее серьезней, чем Джастин, но тоже быстро избавился от этой мысли. Затем ему пришла в голову идея о том, что

Руби очень хитро с ним играла и хотела, чтобы Джастин стал ведущим. Но он не мог разобраться, как следовало это делать.

– Джастин, ты милый городской мальчик, – вдруг прорезалось сквозь его напряженные размышления. – Но, поверь, здесь не те сладкие правила, к которым ты привык. А вернее, не те, которые ты сам ставил в городе перед такими же дворовыми мальчишками.

– Стой, стой, стой! – перебил Джастин. Он возмущенно вздохнул. Он не выставял никаких правил мальчишкам в городе, скорее сам был вынужден подчиняться тому, что они придумали для него. – Я, кажется, понял. Ты боишься, что я затеял крупную игру?

– Вот именно! – утвердила девушка. – Ты играющий малыш.

– Можно подумать, ты старая дева, – не слушая, что пыталась сказать цыганка, с обидой на ее слова, но с улыбкой на лице, резво отозвался Джастин.

До этого момента Руби была очень серьезной, как вдруг она обернулась на Джастина и уставилась на него в изумлении.

– Что? – переспросила она сквозь наигранный смех.

– Ты говоришь как старая бабка.

– Ну, знаешь ли... – Руби рассердилась и начала слезать со стога. Наверняка, она хотела сказать нечто другое, но слова Джастина сбили ее с толку. – Сидеть! – Выкрикнула она, как только Джастин зашевелился в ее направлении.

Джастин только успел пожать плечами и мельком взглянуть в ее растерянные глаза. Руби быстро съехала со стога и твердой походкой направилась через поле к дороге.

– Старушка, значит? Хм! – напоследок она недовольно обернулась.

«Старая бабка», – неловко подумал Джастин.

Когда Руби скрылась из виду, Джастин слез со стога и направился к дому. Сладкий воздух и теплый ветер медленно душили его сознание. Тихая темнота окунала в тоску. Джастин вернулся к развилке, сменил дорогу и прошел мимо заросшего дома в сторону деревни. Здесь было совсем тихо и темно, лишь редкий стрекот доносился из травы. Когда Джастин миновал дом, по обеим сторонам дороги в ряд растянулись деревья, как бы сшитые в одно кружево, кустами сирени и акации, обросшие мхом и плющом. Показался вход в деревню, напоминавший наполовину развалившуюся каменную арку, густо заросшую вьюном. Внезапно в кустах послышался шорох. Джастин обернулся и увидел, как из темноты вышли три человека. Он сразу приметил, что двое выглядели совсем мальчишками, его ровесниками, да таким щуплыми, что Джастин отбросил всякие подозрения на их счет. А вот третий парень мог внушить страх. Он был высокого роста, с широкими плечами и с суровыми глазами. Глаза Джастин смог разглядеть даже в темноте, они так коварно сверкали, как у дикого зверя, вышедшего на охоту. Но когда парень подошел ближе, Джастин разглядел в его лице холодную пустоту.

«Глупый громила!» – подумал он. Джастин и до этой секунды несколько не испугался, но теперь ему было вообще все равно, с какими намерениями пришли эти троя. Сам он выглядел довольно внушительно, не смотря на свой юный, как заметила Руби, возраст. Он был сильный, крепко сложенный, стоял, широко расправив плечи и выпрямив спину. Секунду спустя, как подошли незнакомцы, громила глубоко вдохнул, хрюкнув носом, и сплюнул на землю. Он вытаращил на Джастина свои яростные глаза и громко обратился к нему:

– Эй, сопляк!

Джастин сделался якобы заинтересованным в его словах, но потом опустил взгляд, на самом деле испытывая внутри недовольство. Что хотели сказать эти трое, он давно понял. Они только отнимали у Джастина время.

– Слушай сюда, малой! – громила ткнул в него пальцем, почти коснувшись груди, когда заметил, что Джастин отвернулся. – Ты тут не выпендривайся, городская обезьянка! А не то я быстро вправлю тебе мозги!

С возникшим интересом в том, как же громила собирался это сделать, Джастин поднял взгляд.

– Вот так-то! – самодовольно продолжил парень, но Джастин его перебил.

– Не тяни резину, болван, говори по существу, – Джастин сказал это так легко и спокойно, что громила на секунду сделался удивленным, но постарался скрыть это.

Наверняка парня поразил полный уверенности взгляд Джастина. Джастин самодовольно улыбнулся. А громила вдруг посерьезнел. Брови сдвинулись в напряжении. Парень выискивал хоть каплю страха в противнике, но Джастин продолжал требовательно смотреть на него, ожидая ответа.

– Щенок! – вдруг вырвалось раздраженное восклицание. – Да как ты смеешь? – громила сжал кулак и напрягся, но ничего не сделал.

Джастин догадался, что парню было велено только поговорить с ним и припугнуть его. От этого проснулось щекочущее чувство. Джастин с азартом отметил, как раздулись его вены. Изнутри распирало, как воздушный шарик. Он был готов сорваться с места, вступить в бой, дай только повод. Но, не смотря на все его старания спровоцировать противника, здоровяк оставался неподвижен.

– Слушай внимательно, пугало, – продолжил он несколько тише, но все также напряженно. – Еще раз наберешься наглости подойти к ней, и тебя искалечат так, что мать родная не узнает. Выродок!

– Это все? – снова безразлично спросил Джастин.

Громила разозлился еще больше, но опять сдержался, сморщив от недовольства нос.

– А ты не понял?

– Ну, раз все, – поворачивая голову в сторону деревни, ответил Джастин, – тогда отвали.

И он полностью отвернулся от незнакомцев, потому что был уверен, что его не посмеют и пальцем тронуть. Не было такого распоряжения.

Наконец-то, план стал работать. Первые плоды оказались мелкими и зелеными. Джастину стало интересно, как события станут развиваться дальше. На всех приспешников ему было плевать. Кого бы ни прислал тот черноволосый парень, Джастин постарается добиться, чтобы он лично с ним встретился. Один на один. Пусть он сам попросит Джастина отстать от его девушки.

«Какие послушные...» – подумал Джастин, так и не получив удара. Он двинулся дальше, оставив позади себя распираемого от ярости парня и двух его дружков, одному из которых, судя по звукам, достался подзатыльник.

Джастин шел, погрузившись в мысли, и проигрывая все встречи, которые произошли с ним за последние два дня. Что-то определенно в нем поменялось. Он шел совсем другим, нежели, когда приехал сюда. Тогда в его голове было одно единственное желание – не сгнить тут от скуки. Сейчас Джастин даже засомневался в выбранном способе развлечься. Нет, он не передумал идти до конца. Такой уж у него был характер, да и выброс адреналина пришелся ему по вкусу. Просто, цель показалась неправильной. Джастин не мог понять этого сразу, потому что тогда он еще не познакомился с Руби. Необычная девушка взбаламутила Джастина, заставила забыть о проблемах. Почему же она отказывалась общаться? Неужели испугалась за него? Джастин прокрутил в голове образы противников. Ни один не показался ему настоящей угрозой.

Мысли внезапно исчезли, когда Джастин переступил порог деревянной постройки. За спиной остался скучный сад, весь перерытый и измученный, наполненный песней сверчков. Что-то треснуло во дворе, но Джастин уже закрыл дверь и не слышал этого. В итоге он остался недоволен. Ощущение, будто в нем что-то оживало, растворилось вместе с последними лучами солнца и теперь, все казалось прежним: тоскливым и серым. Если Руби откажется с ним даже разговаривать, непробудная скука накроет Джастина с головой. Так он решил.

В напряженном теле осталась куча энергии, потому что Джастин проспал много часов на стоге сена, но все же измученно он опустился на ступеньки кривой лестницы и погрузился в себя. Глаза упрямо смотрели в одну точку, которую даже не видели. Руки бессильно обняли голову, опершись локтями о колени. Что-то мелькало в его голове, возникая в образах и растворяясь в воздухе. На какое-то мгновение, миг, который Джастин провел здесь, пустота в его жизни обрела смысл и наполнилась чем-то приятным. Но теперь и это ускользало. Джастина передернуло. Мысленно он представил себе, как выпускал из рук нечто ценное, дорогое, вновь оставаясь с чувством обреченности.

Со злостью он стукнул обшарпанную стену.

– Дубина ты! – как только Ева услышала, что затворилась входная дверь, она поняла, что брат вернулся с прогулки. Подождав пару минут, она решила выйти на встречу, и обнаружила его у самого входа на лестнице.

Он выглядел таким несчастным и разбитым, совсем маленьким и беззащитным со спины, что Ева на секунду перестала злиться. Но потом она вспомнила утро и снова сделалась сердитой.

– Ты где ошивался? Как ты умудряешься быть одинаково бестолковым и в городе, и в деревне? Хотя, да! – она развела руками. – Чего это мне удивляться? Ты всегда и везде такой бесполезный! Ты совсем не думаешь о своих близких! Бабушка, например, просила дров наколоть! А ты ушел и забыл! Не зря я с утра рассердилась ... Чего от тебя толку-то в жизни? И кому ты вообще такой нужен?

Она так быстро тараторила, что Джастин едва улавливал ее слова.

– Помалкивай там! – совсем не обидно, скорее, из привычки, тихо возмутился брат.

Еву это не задело, как бывало обычно. Наоборот, слова брата застали ее врасплох, и заставили замолкнуть, потому что прозвучали слишком спокойно и безобидно. Она беспомощно выдохнула, не понимая, что с ним произошло. Отчитывать его дальше не имело смысла, он ясно дал понять, что не хотел слушать. Но как тогда она могла помочь ему не выпасть из реальности? О чем он там задумался, сидя на ступеньках? Ева медленно развернулась и ушла, так ничего и не произнеся. Джастин остался наедине с собой.

Шло время, а он все сидел и не шевелился. Опустилась ночь, пришли прохлада, свежесть и полный мрак. Темное пространство вокруг помогло забыться, полная тишина – отвлечься. Само собой, получилось так, что Джастин вспомнил тот момент жизни, когда решил, что подчинит ее ход себе. Смешным сейчас показалось это желание, но тогда, еще ребенком, он думал, что сможет это сделать.

Он по-прежнему сидел неподвижно, уставившись в одну точку где-то в воздухе. И в этой точке ему причудились образы и какие-то непонятные картинки. Чем дольше он всматривался, тем больше мог разглядеть их. Они вырастали в пространстве и казались близкими и реальными. В них Джастин увидел себя. Ему около семи лет. Он был одет в свободные белые штаны, рубаху и опоясан. Он готовился к поединку. Его мысли были заняты важным боем, он настраивался на победу. Противники вышли на площадку и поклонились друг другу, прозвучал гонг. В смутном воспоминании слышались голоса и выкрики, но Джастин не разобрал их. Начался поединок. Это был тяжелый бой. Пришлось собрать все свои силы, довериться умению и показать все, на что он был способен. Он был серьезен, внимателен и сконцентрирован. Он умело защищался, обращая нападения противника в боль. Конечно, сейчас Джастин понимал, как смешно он выглядел в тот момент: ребенок, напыщенный и даже сердитый. Но он был целеустремлен и решителен. И этот бой принес ему победу. Победу, после которой, казалось, весь мир должен был быть познан и раскрыт. Это был бой, показавший Джастину, что он мог добиться чего угодно, если захочет. Это было преодоление тяжелого препятствия и желание двигаться дальше, о которых всегда говорила мама. Но получил он это желание, лишь столкнувшись с еще большим препятствием. Когда Джастин только начал свои первые

поединки, он не мало пострадал. Вся память о тех днях уместилась в нескольких минутах боя. Удар, еще удар, сильный и сокрушительный удар. Полная потеря контроля над телом. Падение. Джастин получил сотрясение мозга. И именно оно пробудило в шестилетнем мальчике огромное желание стать лучшим. Именно это препятствие Джастин преодолел в победной схватке. После этого были еще поражения и неудачи, но было стремление, сильная воля, и победы.

Так, в глубокой тишине и полной темноте, Джастин просидел всю ночь, рисуя в своем воображении картинки прошлого.

Утро пришло рано, во всяком случае, раньше, чем Джастин этого ожидал. Природа стала просыпаться и оживать с первыми лучами жидкого солнца. Птицы еще сонно приветствовали новый день, воздух оставался холодным, трава мокрой, улица пустой. В доме царило приятное утреннее спокойствие. Миссис Хоем хлопотала на кухне. Медленно перебирая мягкими руками, она поставила чайник и принялась за завтрак. Ева только что встала с постели и не обнаружила в комнате брата. Она не удивилась, потому что еще толком не проснулась. В городе было обычным делом, что Джастина постоянно не оказывалось дома. Ева накинула белоснежный халат и вышла на улицу, сунув в рот зубную щетку. На крыльце ее застал холодный воздух и свет после темноты дома. Она зажмурилась и услышала странный звук: сильный, глухой и тупой. Сонное тело заставило потянуться, и Ева по привычке принялась чистить зубы. Но только она смогла раскрыть глаза, как тут же застыла в изумлении. Где-то в глубине сада она увидела фигуру человека, странно пританцовывающего и колющего дрова. Приглядевшись, она узнала брата. Он ловко справлялся с топором, замахиваясь и ударяя по поленьям. Раз, и он разделил полено пополам. В следующий миг он уже тянулся за новым, спихивая ногой предыдущее.

Ева вынула щетку изо рта, сменила направление взгляда и увидела еще кое-что примечательное. Справа, за розовым кустом, с другой стороны забора стояла девушка в длинной юбке, цветной блузке, вся обвешенная украшениями, с застывшей радостью на лице. Опершись локтями на ветхий забор, она глядела в сад и улыбалась. Ева посмотрела на нее. Еще раз удивленно обернулась на брата, а когда снова повернулась в сторону девушки, той не оказалось на месте.

– Эй, – придерживая халат рукой, в которой находилась и зубная щетка, Ева прошла в сад, обращаясь к брату. – Джастин! – добавила она громче. – Ты что, не спал ночью?

Ее охватила легкая тревога. Вчера вечером брат выглядел измученным. А сегодня утром он преспокойно колот дрова, и за ним наблюдала цыганка. Больше всего волновало последнее. Одному Богу было известно, во что мог ввязаться бестолковый брат, тем более с этой девицей!

Джастин перестал колоть и повернулся к сестре. Его лицо выглядело уставшим, но довольным. Из-за работы он вспотел и покраснел. Ева напряженно выдохнула. Брат уже наколот кучу дров, хотя так и не понял, зачем они понадобились в середине лета. Ночью он размышлял над словами сестры. Он вовсе не хотел казаться бесполезным и не думающим о близких, поэтому решил сделать то, о чем его попросили, раз уж это было так важно. Но когда подошла Ева, он погрубел и смутился. Разговаривать с сестрой по-прежнему не хотелось. Он выгнулся, вытянулся и собрался уйти. Ева сразу это поняла и тоже смутилась.

– Постой, – сказала она, поворачиваясь к Джастину, – погоди!

Джастин на выдохе воткнул топор в бревно, и Ева встрепенулась от неожиданности.

– Отстань, – лениво ответил он.

– Нет, постой! – Ева обогнала его и придержала рукой. – Я хочу поговорить с тобой. Серьезно.

Она смотрела на него такими нежными и заботливыми глазами, что Джастин не мог не остановиться. Дома она разговаривала с ним совершенно иначе.

– О чем? – грубо спросил он.

– Знаешь, я тут подумала, почему ты вдруг снова переменялся, когда мы сюда приехали...

Джастин хмуро покачал головой, мол, ерунда.

Ева прикусила губу. Она понимала, что рисковала снова поучать брата, даже не удостоверившись в своей правоте. Но все, чего ей хотелось, это защитить его. За пару дней он преобразился. Конечно, ожидать от него полного восстановления было бы глупо, но Ева точно видела, что брат изменился. Безумно хотелось, чтобы Джастин вернулся к нормальному образу жизни, но не такой ценой. Все что угодно, только бы он не вздумал играть с огнем!

– И я, кажется, знаю. Только... это не самый хороший способ.

Джастин нахмурился:

– О чем это ты? – по правде, ему не было интересно мнение сестры.

– Ты понял, о чем я. Руби тебе не пара.

– Прекрати, это смешно! – Джастин направился к дому. Он был раздражен.

– Нет, стой! Ты не знаешь ее, а я знаю! – он остановился.

– Мы были здесь совсем маленькими. Что ты можешь знать?

– Нет! – снова резко возразила сестра.

И зачем он задал этот вопрос? Ясно же, что ответ его не интересовал. Какая вообще разница, что сестра знала о цыганке. Ее это не касалось.

– Пожалуйста, выслушай, – умоляла Ева.

Давно Джастин не видел ее столь взволнованной. «Ну, точно ведь ерунду скажет!» – подумал он. Она не могла сказать ничего такого, чего бы Джастин сам не понял. Например, то, что он сдался Руби как собаке пятая нога. Что у нее есть ревнивый парень. Что она старше его на несколько лет, и вообще она своенравная цыганка. Но имело ли все это хоть какое-то значение? Нет. Джастин недовольно прикусил губу. С другой стороны, Ева проявляла заботу. Она просила, а не указывала. На лице отражалась тревога, а не гнев.

«Может, из этого сложится нормальная беседа?»

Джастин медленно развернулся. Он неуверенно прошел в сад к обшарпанной белой скамейке, расположенной у забора между двумя старыми яблонями. Он сел и дождался Еву. Та озадаченно посмотрела на брата и уселась рядом, отпустив халат.

– В прошлом году, когда мама побоялась отправлять нас в путешествие... и решила оставить тебя дома, чтобы присматривать за тобой... ну, чтобы ты ничего не натворил...

– Ну? – нетерпеливо подначил Джастин.

– Меня она решила отправить сюда. Ты ведь помнишь, что меня не было две недели? Ну, не важно... Так вот, здесь я познакомилась с Руби. Но она... знаешь, у нее есть парень, – Джастин резко пожалел о своем решении выслушать сестру. На лбу же было написано, что она скажет! – Он вроде как бандит, что ли. Короче, если ты ему не понравишься... и вообще!

– Что? – Джастин резко повернулся к сестре. Раздражение переполнило его до предела. Ева нервно сглотнула.

– Знаешь, что! – вспыхнула Ева. – Просто не путайся у нее под ногами! Характер у нее ветряный, капризный и изменчивый. Она наиграется тобой, потом скажет своему остолопу, что ты под ногами у нее путаешься и все! Сейчас ей, может быть, скучно...

– Все, прекрати! – сердито отмахнулся Джастин. – Противно слушать!

– Ах, вот оно что! Да ты и сам доиграешься!..

– Как-нибудь разберусь! – прорычал он.

Джастин сорвался со скамейки и направился к дому. Ева оторопела от его реакции. Она попыталась догнать его, но брат, не останавливаясь, наградил ее суровым взглядом. Ева даже разозлиться не смогла. Вместо этого она испугалась. Не на шутку взволновалась, какие планы заняли голову брата. Она расстроилась и бессильно поплелась за ним в дом, чтобы видеть, что он собирался делать. С таким трудом они с Джестином разговаривали друг с другом дома. Ругались, пререкались, или же Ева разглагольствовала перед ним в одиночку, а он с каменным

лицом смотрел в угол комнаты или в компьютер. Впервые он на секунду прислушался, а она с треском провалила разговор! Ева испугалась, что брат навсегда потеряет к ней доверие.

Джастин зашел в спальню и улегся на кровать, сомкнув руки на груди. Он быстро уснул, так как не спал всю ночь и устал после утренней работы. Он проспал до самого вечера, а когда проснулся, впал в какую-то слепоту, которая ворвалась в его голову и мешала думать. Это состояние напоминало сон, неясный, тихий и жутко утомительный. Как будто, открыв веки, он продолжал спать, медленно перемещаясь в кошмаре.

В гостиной был накрыт стол, Ева уже поужинала и сидела перед пустой тарелкой, с чашкой горячего чая и с карандашом в руке. Мысли заняла печаль, и она просто чиркала по листку бумаги, абсолютно бездумно вглядываясь в окно. Ссора с братом выбила ее из сил. Миссис Хоем сидела рядом и шепотом прочитывала слова какой-то газеты. В полудреме Джастин вошел в кухню, проигнорировав родных. На плите стояла огромная кастрюля с кашей. Джастин вытащил из буфета ложку, положил клейкую массу себе в тарелку, и присел за стол рядом с сестрой. Ева хотела заговорить с братом, но передумала, снова принявшись чиркать по бумаге. Джастин окинул комнату пресытившимся взглядом, и вдруг наступил такой ступор, который помешал спокойному ходу событий. Джастин полностью ушел в свой далекий мир, и теперь почему-то его стало раздражать все, что происходило в реальной действительности. Он вдруг услышал, как миссис Хоем читала, а Ева давила на карандаш. С каждым разом она все старательнее нажимала на его кончик и выцарапывала тонкие линии. Чем глубже Джастин погружался в себя и слушал вокруг, тем громче казалось чтение, тем сильнее Ева давила на карандаш и тем больше это раздражало. Он приложил руку ко лбу и протер его. На коже выступил горячий пот. Это удивило Джастина, ведь чувствовал он себя хорошо. Или ему так казалось. Мгновенно пересохли губы, так что пришлось их облизать, чтобы не слиплись. Во всем теле появился дискомфорт. Стул слишком твердый, стол слишком низкий, свет чересчур яркий. Яркий? Джастин поежился, представив, какое освещение застало его утром. Усилием воли он заставил себя есть. Пресная каша растеклась по небу, словно кусок пластилина. Вдруг у Евы сломался грифель, что со страшным звуком ударило Джастину по ушам. Бабушка принялась четче проговаривать буквы. Захотелось крикнуть, чтобы все заткнулись. Но вместо тишины появились новые звуки. Миссис Хоем зашевелилась и прокашлялась. От хриплого кашля Джастин чуть не сошел с ума. Обхватив себя за голову, он с трудом вернулся в реальность.

– Все, спасибо... – отодвигая тарелку и вставая из-за стола, неожиданно произнес он. Наверное, во сне он слишком много думал о словах сестры, но не желал соглашаться с ними, поэтому теперь был напряжен и недоволен, или, попросту, схватил тепловой удар, переутомился или излишне выпался. Что угодно. Джастину хотелось найти объяснение своей напряженности.

Ева встревожено и удивленно посмотрела на брата, а миссис Хоем опять прокашлялась.

– Джастин, ты куда? – очень взволнованно спросила сестра и встала из-за стола, когда увидела, что брат надел кеды.

Но он молча направился к лестнице, прикрыв за собой дверь. Как только он вышел, в голове стало пусто. Тишина и прохлада подействовали отрезвляюще. Он расслабленно выдохнул. Несмотря на это, в душе возникло беспокойство. Он уныло оглянулся, обхватив себя за голову. Возле двери на столе лежал теплый джемпер. Джастин быстро схватил его и поспешил убраться из дома. Ева бросилась вдогонку, торопливо спустилась по ступенькам, но нагнала брата только у ворот.

– Постой! Куда ты? Уже поздно, вернись в дом!

– Ничего не поздно, – натягивая джемпер, отозвался он, – еще далеко до ночи.

Ева хотела схватить брата за рукав, но не смогла, он увернулся и ускорил шаг. Она была легко одета, и на ногах только тапочки, так что следовать за братом дальше не представля-

лось возможным. Она беспомощно наклонилась вперед и осталась на месте. Лицо наполнилось печалью, руки опустились, а сердце отчаянно забились в тревоге.

Джастин же наоборот почувствовал облегчение. Ему показалось, что он ушел от какого-то тяжелого бремени, или будто ему развязали руки. Он глубже вдохнул и наполнился решимостью. Снова проходя мимо домов и удивительных садов, растущих в них деревьев и цветов, Джастин заметил, что все это ему нравилось. Деревенские постройки не горели красочными огнями, как здания в большом городе, причудливые садики отличались от городских лужаек, но были сочными, настоящими и живыми. Это привлекало.

Воздух взбодрил, и Джастин уже совсем проснулся. Он очнулся от того туманного состояния, которое застало его за ужином. Сам не заметив как, Джастин подошел к озеру. И лишь когда он увидел воду и часть пляжа, остановился. Сливаясь с тенью деревьев, он продвинулся немного вперед и снова замер. Теперь он понял, что глупо было приходить сюда. Руби давно дома или где-нибудь еще, но точно не на озере. Джастин присмотрелся внимательней, но не обнаружил ее. На берегу стояли какие-то парни. Но ребята не вызвали в Джастине абсолютно ничего, кроме скуки. Все, чего он хотел – поговорить с девушкой. Извиниться, что задел ее чувства, сравнив со старушкой, и выяснить, почему она намеревалась отказать от общения. Объяснить, что он был способен постоять за себя. Оказывается, ему гораздо больше хотелось повидаться с девушкой, чем столкнуться с ее парнем. Как вообще могла прийти в голову идея раздражить его ради забавы? Джастину не было свойственно развлекаться драками. Обычно это была вынужденная мера, для самозащиты.

Надеясь, что его не заметили, Джастин сделал шаг назад. На то, чтобы усмирять кого бы то ни было, у него не осталось настроения. Джастин выстроил предположения о том, где могла находиться Руби. Он тихо развернулся, сунув руки в карманы, и медленно побрел прочь от озера. Под ногами хрустела сухая дорога, усыпанная хвоей и мелкими камнями. От огорчения Джастин взглянул на небо и так, уставившись в него, пошел дальше, не обращая ни на что внимания.

Он подошел к развилке; боковым зрением заметил раздвоение дороги. К горлу подступило волнение, но в тоже время Джастин слегка повеселел, потому что увидел слабый свет, исходящий от заброшенного дома. Он живо свернул с дороги и пробрался сквозь высокую траву. С другой стороны дома свет оказался ярче. В доме точно кто-то находился. Джастин улыбнулся и полез на дерево. Встал на карниз, спешно ухватился за раму, но чуть не соскользнул, стукнувшись головой о закрытое окно. Руби услышала стук. Она мгновенно подбежала к окну и открыла его. Увидев ее озадаченное лицо, Джастин улыбнулся. Без слов он нагло влез в дом.

Девушка встретила его тишиной. В грустных глазах отражались огоньки печально мерцающих свечей, расставленных всюду, где было свободное пространство. В углу у дивана на трехногой тумбе горела керосиновая лампа. Джастин подумал, что таким образом можно было спалить дом во второй раз, но промолчал. На диване лежала раскрытая книга. Видимо, Руби читала ее, пока он не пришел. Когда он влез в окно, девушка побледнела. По непонятной для Джастина причине, она огорчилась. В смутении нахмурила густые брови, руки спрятала за спину.

Спустя некоторое время она безмолвно пригласила Джастина сесть на диван, и села сама, обхватив колени руками. Джастин хотел поздороваться, улыбнувшись ей, но Руби виновато спрятала лицо. По дороге сюда в голове возникла тысяча вариантов, как извиниться перед цыганкой, но, когда он ее увидел, начисто забыл все, что хотел сказать. Расстроило ее поведение. Она не злилась, как того ожидал Джастин, но и не разговаривала с ним.

Они долго сидели в напряженном молчании. И все время Джастин изучал девушку. Темная кожа сливалась с цветом юбки, в многочисленные складки которой опускались кончики черных волос. Волосы не причесаны. Непослушные пряди торчали во все стороны, создавая

ощущение, будто на голове свили гнездо. Джастин порывался пригласить их, но девушка отпугивала его свирепым взглядом. Безумные черные глаза, глубокие, как бездна. Они магнитом тянули Джастина заглянуть в них. Такую красоту, какая была у Руби, Джастин еще не встречал. Она выглядела дикой, необузданной, чужой, но безумно привлекательной. И печальной. Ее босые ноги замерзли, и Руби пыталась согреть их, натягивая на пальцы краешек юбки. Она обнимала колени и прятала полные тоски глаза.

Джастину надоело молчать. Он определился с желанием: хотел заново ощутить себя живым. Не просто телом, занятым обыденными делами, а полноценным человеком со всем калейдоскопом мыслей и чувств. Причем ему вполне хватало отрицательных эмоций, а вот положительных давно никто не подкидывал. Джастин пододвинулся ближе. Не обращая внимания на молчаливый протест, он заправил прядь волос девушке за ухо. Слегка касаясь подбородка, он заставил цыганку повернуть к нему лицо. Другой рукой он обхватил ее плечо и нежно улыбнулся. От прикосновения Руби встrepенулась. Она отодвинулась от Джастина как можно дальше, уткнулась в подлокотник и скрестила руки на груди.

– Чего ты пришел? – сердито обронила она.

Наконец, Джастин услышал от нее хоть что-то. Но вопрос показался ему смешным, а интонация, с которой говорила Руби, обиженно-детской. Она уставилась на него, как на незнакомца, вторгшегося в ее дом. Джастину это показалось забавным. Он подумал, что Руби затеяла какую-то новую игру и улыбнулся. Он расслабился и откинулся на спинку дивана, подпирая голову левой рукой. Но через секунду он понял, что Руби не играла и не шутила.

– Ты на меня за что-то в обиде? – приняв необычайно серьезный вид, спросил Джастин.

Руби оживилась. Она помялась, поерзала и через некоторое время ответила:

– Нет. Я не могу быть в обиде на маленького мальчика...

Джастин удивился ее словам, ее взгляду и серьезной интонации. Он даже приоткрыл рот и перестал опираться на спинку дивана. Он пропустил несколько следующих фраз, потом снова услышал ее серьезный голос.

– Знаешь, мы здорово повеселились! – она мило улыбнулась. – Но я не могу развлекать тебя постоянно. Найди себе друзей своего возраста и играй с ними!

Джастин стал воспринимать слова и лишь потом понимать их. Он медленно улавливал суть, но никак не мог понять, почему он это слышал. Он даже испытал некоторый шок от сказанного. Он закрыл рот, медленно протер руками глаза, поморщил лоб, немного помотал головой, как будто пытаясь проснуться. В его голове в этот момент пробежала куча мыслей, и все они только усугубили его состояние. Джастин был сильно возмущен, растерян, взволнован... И он кое-что понял. Теперь он точно понял, что не просто играл и пытался занять себя от скуки. Встреча с Руби разожгла в нем не только азарт и соперничество, она стала будить его целиком. Он долгое время обитал в своем замкнутом мире и только здесь, наконец, осознал, что вполне мог жить дальше. Руби помогла ему в этом. Она заставила его вынырнуть из глубокого транса, владевшего им последние несколько лет. Она привлекла его, действительно понравилась. Нет, он не играл, и не притворялся, что жил. Он ожил по-настоящему!

Но после ее слов, все разом оборвалось. Джастин отчаянно пытался понять, почему Руби так поступала.

– Ты издеваешься, да? – сухо и рассерженно спросил он.

– Отчего же? – Руби удивилась и отвернулась от Джастина. – Я, наверное, не права. Не стоило тебя дразнить. Но это было забавно!

– О чем ты говоришь? – Джастин сморщил лоб и закрылся рукой. – Я не понимаю...

– Чего тут непонятного? Ты маленький дурачок, который повелся на мою провокацию. Но я не буду играть с тобой дальше...

– Я вообще не улавливаю связь, – продолжал сопротивляться Джастин.

– Ох, мальчик! Мы поиграли, а теперь я говорю, что не буду продолжать игру. Всего-то.

Джастин серьезно задумался. Его сильно задели эти слова, но он плохо верил в них. Он почему-то считал, что Руби говорила неправду. Она показалась Джастину растерянной, даже испуганной, голос ее звучал грубо, речь была кроткой, будто ей тяжело говорить. Но почему она продолжала издеваться?

Джастин тихо встал. Он подошел к окну, а потом резко развернулся к Руби:

– Скажи, – Джастин поморщился, – ты, правда, считаешь меня ребенком? Или боишься за меня? Я вполне могу...

– Хватит! – оборвала Руби.

Может, она хотела что-то добавить, но отчего-то молчала. Глаза испуганно бегали по комнате.

– Постой... – Джастин попытался поймать ее взгляд.

– Игра окончена! – твердо и жестко произнесла Руби. Она застыла в одном положении и долго не двигалась. – Уходи, – тихо добавила она через несколько секунд.

Джастин еще долго молчал и ничего не делал. Он ведь даже не извинился. Неужели из-за дурацкого сравнения девушка не хотела его прощать? Или разница в возрасте настолько велика, что неумолимо мешала общению? Внутри все опустело, стало грустно и обидно. Ей ведь тоже нравилось хвалиться перед остальными на пляже, она специально уводила Джастина, чтобы задеть друзей. Она нарочно прикидывалась недоступной, поэтому Джастин решил обогнать ее в воде, чтобы стать первым победителем, первым заслужить ее внимание. Почему же она отказывалась от него?

Джастин вновь посмотрел на Руби. Она сидела неподвижно, будто ледяная фигура, скованная холодом на века. Возражать не имело смысла. Девушка прервала бы любую попытку объясниться. Джастин облизал губы и огляделся. Он неслышно выдохнул и развернулся к окну; вылез наружу, спрыгнул на землю и устало зашагал через кусты. На свежем воздухе немного полегчало. Сдавливающее тело чувство отступило, движения стали раскованней. Внешне Джастин походил на расслабленного туриста, но внутри все разрывалось от опустошения. Даже мысли никак не приходили в голову. Джастин просто шел, также бездумно и потеряно, как в первый раз.

Ощущение, что его вновь предали, парализовало мозг. Причем предала не только цыганка, но и сестра, потому что специально выхвалилась, сообщила Джастину, что Руби выкинет его, как надоевшую игрушку.

Словно в трансе он вошел в деревню. Сложенные в карманы руки, скованно дергались при движении, ноги медленно плелись по дороге, тело устало изогнулось, голова изредка поворачивалась по сторонам. Так он прошел несколько унылых домов, пока не достиг переулочка между ними. Ярдах в пяти, справа, земля резко обрывалась. Там находился крутой склон, заросшая дорога к роднику. Но люди пользовались этой тропой, не смотря на обильную растительность. Напротив склона, с другой стороны улицы, стоял убогий домик миссис Хоем. В окнах не было видно света, и Джастин решил, что все спят. На самом деле всем было наплевать, что творилось у него внутри. Очень удобно, притворяться заботливыми, но спокойно спать, в отсутствие Джастина, когда он ничем не мог их побеспокоить. Со злобой пнув камешек, Джастин отвернулся от дома и двинулся дальше. Он направился к противоположному выходу из деревни, будто намереваясь сбежать. Но когда он дошел до него, почувствовал, что порядком замерз и развернулся.

Бродить без цели оказалось так же невыносимо, как мириться с проигрышем. Ничего, кроме пустоты и холода у Джастина не осталось. Тоска разлилась по всему телу. Джастин смотрел вниз, медленно перебирая ногами. В темноте мерещилась родная улица в Бирмингеме. Только дорога из мелкого гравия отличалась от мощеного тротуара. В остальном же, если не присматриваться, более-менее похоже. Джастин обреченно выдохнул.

«Сколько еще придется торчать здесь, помирая от скуки?»

Не поднимая головы, Джастин понял, что приблизился к нужному дому. В окнах по-прежнему зияла чернота. Джастин покачал головой, не желая мириться с реальностью, и не спешил возвращаться в дом. Где-то вдалеке послышался шум. Джастин притормозил. Кто-то настойчиво к нему приближался. Он поднял голову и увидел группу людей: трое парней быстро передвигались в его направлении, злобно посмеиваясь. Джастин узнал троицу, пытавшуюся запугать его прошлым вечером. Он остановился. Двоих парней он просто проигнорировал, а громиле улыбнулся в лицо. Тот с очень серьезным видом приблизился к Джастину и с силой толкнул его в плечо.

– Ну что, шенок, к мамочке еще не захотел?

Вот и момент триумфа, только Джастину было не до ликования. Капкан захлопнулся. Однако, где же главный приз? Видимо, темноволосый парень был слишком труслив, чтобы явиться лично. Из-за тычка Джастин попятился на фут. Взбешенный громилы ничуть его не напугал. Какая разница, состоится драка или нет, если диковинная птичка все равно упорхнула, а зверь, из-за которого затевалась игра, так и не появился? С абсолютным спокойствием Джастин произнес:

– В чем у вас опять проблема?

– Это у тебя проблема, придурок!

Грозный голос не смог напугать Джастина. Он наверняка знал, что справится с противником, и даже пожалел его. С суровым видом громилы бросился вперед. Напряженность в его взгляде рассмешила Джастина. Он медленно отодвинулся, хитро улыбнувшись, и ловко ушел от удара, настолько непринужденно, будто проделывал до боли знакомый трюк. Присев, Джастин подсек противника. Парень с грохотом рухнул на землю, а Джастин нанес мощный удар в печень. Громилы болезненно сглотнул. На время о нем можно было забыть. Тут же подлетели двое других. Один сразу получил удар в голову и, шатаясь, отошел, а другой даже смог задеть Джастина. Но касание в грудь оказалось слишком слабым, на что Джастин издевательски улыбнулся, послав в ответ крепкий удар.

Все произошло очень быстро. За несколько секунд Джастин утвердил свое превосходство. Нападавшие разошлись по сторонам, прикрывая руками травмированные места. Но почему-то в желудке появилось неприятное ощущение. И, хотя, скорее всего, Джастин просто проголодался, он знал, что дело заключалось не только в этом.

Он мимолетно оглядел увеченную троицу, подумал об ужине, и услышал скрежет гравия. Нападавшие парни мигом пришли в себя, и, отчего-то довольные, выстроились перед Джестином в ряд. Они не нападали, выжидая чего-то и усиленно улыбаясь.

– Да, руки у тебя на месте, – с усмешкой произнес громилы, – пока что! – и он раскатисто рассмеялся.

Джастин быстро понял, что сзади подходило подкрепление. Печально, что за городом люди настолько же не уверены в себе, насколько и в городе. Другого объяснения толпе он не находил. Только толпа могла обеспечить абсолютное превосходство над ним. Прежняя уверенность в собственной победе уступила место досаде. Джастин не испытывал страх. Он просто не представлял, как можно испугаться своей же задумки. У него хватило смелости открыто объявить о своих намерениях. И сожалеть он ни о чем не собирался. Впрочем, все совершают ошибки. Его ошибка заключалась в наивности. Наивно было рассчитывать на честный бой. И уж ни этого ли так испугалась Руби? Лучше бы она высказала все в лицо, чем беспощадно проигнорировала.

Нет, кроме досады Джастин ничего не испытывал.

Людей прибыло много. Навскидку Джастин определил, что подошло человек пятнадцать. Но он специально пропустил тот миг, который ему дали, чтобы он позорно сбежал. Он решил отбивать нападения. И на него стали налетать со всех сторон. Сзади Джастин получил в одну

секунду ударов пять. Спереди подбежали трое уже знакомых ему парней и вместе с другими принялись наносить удары в голову, в спину, в живот, по рукам, ногам, по почкам и печени...

Совсем скоро держаться на ногах стало невозможно, отражать атаки и подавно. Джастин пытался согнуться и закрыться. Только ему не позволяли этого сделать. Его настойчиво поднимали и держали, продолжая бить. Многочисленные удары со всех сторон стали сливаться в один мощный пинок, все время повторяющийся, необратимый и сильный.

Через какое-то время Джастину просто надоело, что его бьют. Он уже мало что различал, плохо видел, слышал и не мог двигаться. И хоть большинство парней только смотрели, Джастину казалось, что все принимали участие в избиении. Он смиренно принимал удары и молча ощущал их действие, из последних сил стараясь не потерять сознание. В голове стоял шум, перед глазами плыло. Джастин старался дышать и иногда шевелил губами, сжимал зубы и веки, пересиливая боль.

После нескольких целенаправленных ударов под дых Джастин потерял контроль над ногами и почти перестал стоять, даже когда его держали. Когда Джастин безвольно повис на руках своих мучителей, избиение прекратилось. Двое парней держали его за плечи, а все остальные отошли назад. Наконец показался он, тот самый высокий черноволосый парень. Но Джастин не смог разглядеть его, потому что глаза опухли от синяков, и только бессильно хмыкнул, предугадав его появление. Парень подошел ближе.

– Кем ты себя возомнил? – глухо начал он. – Взрослым? Крутым? – очень холодно и надменно прозвучали его слова. – По мне так ты глупая обезьяна! Хватило ли хоть у тебя ума понять, за что тебя бьют?

Через силу Джастин поднял голову и попытался натянуть улыбку.

Темноволосому парню это не понравилось. Он сильно стиснул зубы и сжал мстительный кулак. В глазах отразилась злобная улыбка. Парень ударил Джастина в солнечное сплетение. И хотя до этого, Джастин еще ни разу не издал и звука, теперь, пытаясь вдохнуть и ощущая дрожь во всем теле, он простонал. Парень обхватил Джастина за скулы и поднял ему голову. В его опухших глазах отражалось спокойствие, увидев которое, противник раздул ноздри.

– Не трогай то, что тебе не принадлежит... урод, – он резко убрал руку, и голова Джастина опустилась подбородком на грудь.

Джастин услышал короткий смешок, брошенный в его сторону. Парень вытер испачкавшуюся в крови руку о его джемпер.

– Избавьтесь от него, – слабо различимый голос заставил Джастина нервничать. Тело не отзывалось, даже ощущалось не целиком. Только шея и плечи. Все остальное мешком повисло над землей. Джастин с ужасом понял, что ничего больше сделать не мог. Последовавшие затем несколько секунд падения показались Джастину полетом, оторвавшим его от земли навсегда.

Все, не торопясь, разошлись...

До этого момента тело ничего не разделяло и принимало удары в один общий, сильный, посланный тем важным человеком в деревне удар, но не собиралось ныть отчасти потому, что просто не могло, отчасти из-за уважения к себе, но больше от дикой, нестерпимой боли, с которой Джастин не мог бороться.

Вдруг все резко оборвалось и утонуло в крапиве. Джастин пролетел по жгучему ковру и наткнулся на что-то твердое. Сразу почувствовал острую боль в позвоночнике и вскочил. Не понимая, как передвигать несуществующими ногами, он сделал шаг к тропинке. Снова перед глазами появилась земля, наверное, подогнулись колени. Джастин понял, что все стало плыть и сгущаться в одно темное пространство, в котором вдруг, то вспыхивали, то гасли желтые пятна. Тело бессильно потянулось вниз. Джастин хотел сесть, но это оказалось ни к чему. Он перестал думать и, мгновенно отключившись, улетел куда-то так далеко, что докричаться до его сознания стало невозможно. Он упал на землю, как мешок, набитый картошкой, и почти

рассыпался по картофелине. Он побледнел, прекращая дышать. Его лицо уткнулось в почву, питая ее свежей кровью. Еще секунда, и он посинел, застыв без движений...

Ева испытала дичайший ужас, когда, зайдя в комнату и посмотрев в окно, увидела на улице дерущиеся фигуры, и признала среди них брата. Сердцем почувствовала, что он там, в самом центре, в качестве груши. Она только что вошла в спальню и включила свет, приготавливаясь ко сну. Она подумала, что Джастин гулял где-то с Руби и домой приходит не собиравшись. Долго его ждала, но решила лечь спать. Она надела ночную рубашку, расчесала волосы, вспомнила о брате и обиделась на него. Но решила в последний раз взглянуть, не вернулся ли он...

Ей стало невероятно страшно оттого, что она увидела: после серии ударов, Джастин обмяк. И, совершенно беспомощного, его оттащили к обрыву, выбросив как мешок с мусором. Зрачки от испуга вмиг стали крошечными. Ева представила, сколько ударов брату нанесла вся толпа, и, с ужасом подумав, жив ли он, настойчиво выбила все мысли из головы. Сердце бешено колотилось, руки тряслись, хотелось закричать, но в доме спала миссис Хоем. Будить старушку Ева не решилась и выбежала из дома в ночной рубашке, поскользнувшись на лестнице. Растерянно оглядев улицу, босая и почти раздетая, она ощутила холод. Дрожь пробила ее до костей, и Ева подумала, что Джастина никак нельзя оставлять на улице. Она молилась, чтобы никто из нападавших не вернулся.

Дорога оказалась свободной. В обе стороны пустота. Ева незамедлительно кинулась к тропинке. Но, остановившись у обрыва, она не смогла сдержать крик. Панический страх заставил присесть, чтобы никто не смог ее разглядеть. Она с силой сжимала губы, глядя на изувеченное тело прямо перед собой. Даже непонятно, был ли это ее брат. Если бы не знакомый рисунок на джемпере и светлые пряди волос, она бы наверняка решила, что это кто-то другой. Но в канаве точно лежал ее брат, избитый, помятый, перепачканный в крови и земле. Дотянувшись до его руки, Ева опрокинулась на колени. Совсем холодный. Кожа бледная.

«Не видно, дышит или нет?»

Истерика подкатывала к горлу, хотелось закрыться руками и плакать.

«Ну, же, соберись!» – в отчаянии повторяла она.

Ева пыталась поднять брата. Не зная, за что взяться, она неловко перебирала руками, но пользы это не приносило. Кое-как удалось перевернуть его на спину, и Ева тут же пожалела. Она застыла, потеряв способность дышать. На живого человека Джастин никак не походил. Он лежал, как сломанная кукла, бледная и потрепанная. По лицу расплылись синяки, вздутые губы растрескались. Джемпер порван и испачкан. Кожа бледная, холодная, всюду царапины и ожоги от крапивы. Широко раскрытые глаза застыли без движений. Ева почувствовала, что теряет силы. Ее опустошило внезапно напавшее ощущение беспомощности. Понимание того, что она ничего не смогла изменить, оглушило и заставило скорчиться, словно от нестерпимой боли. Ева опрокинулась брату на грудь, приглушая очередной вырвавшийся крик. Слезы хлынули из глаз, мешая видеть. Только почувствовав, как слабо вздымалась его грудь, Ева отпрянула, глубоко шокированная.

– Живой, – чуть не захлебнувшись, произнесла она.

Лицо скривилось в сочувствующей гримасе. Ева приподняла голову брата, опустив ее на колени, и смахнула с лица волосы. Она гладила разбитые щеки, уговаривала открыть глаза. Шепотом бранилась за безрассудство и глупость. Растирая замерзшие ладони, Ева перепугано оглядывалась, ни идет ли кто. Саму ее колотило от холода и страха, но она не замечала этого. На лицо Джастину упало несколько соленых капель. Ссадины мгновенно зашипало. Он нахмурился. Поначалу он думал, что спит. Сон крепко удерживал его в своих владениях, не желая отпускать. Мерещилось чье-то присутствие, но чье, он не мог разобрать. Казалось, будто его старательно будят. А когда сон развеялся, вернулась боль, сильная, острая и повсеместная. Джастин увидел лицо сестры и хмуро улыбнулся. А Ева разрыдалась.

Оставшееся время загородом Ева ухаживала за братом, старательно залечивая его раны. Она жутко злилась, но не могла и слово сказать ему, как только видела ушибы и синяки. И хотя внутри все зудело от желания высказать, как она была права, а он не слушал, остаток времени Ева потратила на то, чтобы стать брату другом.

Однозначно, за время каникул они сильно сблизились. Джастин был вынужден признать, что сестра действительно беспокоилась о нем и заботилась. Однако в городе все быстро вернулось на свои места. Взамен здорового сестринского любопытства пришли нравоучения. Ева старалась выбить из брата хандру пламенными тирадами, из-за чего вновь отбивала желание слушать.

В очередной раз в глазах Джастина люди обернулись злыми и жестокими, не способными принять. Даже необычная девушка, коварная цыганка, притворившаяся дружелюбной и интригующей, одурачила Джастина, подставив под удар.

Остаток лета прошел для Джастина как в тумане. Хотелось верить, что мама никогда вновь не решится испытать судьбу и не повторит ссылку. Она наверняка рассчитывала на другой исход. Но Джастин не изменился, разве что решил никого больше не впускать в свой нестабильный мир.

До сих пор Джастин старался справляться со своими проблемами, и ему казалось, что у него это получалось. Летние каникулы все поставили под сомнение. Когда тяготы прошлого почти покинули его, обрушилось новое разочарование. Окружающие оказались бесчестны, родные навязчивы. Уверенность в самом себе заметно уменьшилась. Но мучительней всего было обнаружить, что мама не находила себе места. Отстраненность в поведении и синяки на теле сына вынудили ее сдаться. Она приготовилась капитулировать, лишь бы Джастин почувствовал себя лучше.

Наблюдая за тем, как мать терзает себя переживаниями, ради нее он решил хотя бы закончить школу. И это единственное, что он счел достойным результатом поездки в деревню.

И хотя Джастину подарили удивительный «пендаль от жизни» и кучу эмоций всего за несколько дней, он быстро избавился от ненужных воспоминаний, с сожалением признав, что не смог откинуть другие мысли.

С этим он вошел в новый этап своей жизни, все еще не отпуская прошлое, и не желая принимать будущее.

глава 4. Шопинг

Вернувшись в город, Джастин быстро растратил ощущение свободы. Оно ушло вместе с синяками. Им вновь завладела скованность, уныние насквозь пропитало мысли, в душе завелась хандра. Он лишь стал чуть более внимательным к сестре и матери, стараясь лишней раз не волновать их, но изменять привычный ход событий не собирался. Все также, бесцельно существуя, он перестал надеяться, что перемены смогут произойти с ним в городе, где множество людей ненавидели его. Да и за его пределами, как Джастин убедился, вероятность тоже была мала.

Из-за этого в семье Свуйт дни переходили один в другой, оставляя за собой тяжелый шлейф из каких-то сомнений и недомолвок. Мать умолкла, а Ева вновь принялась отчитывать брата. Она устала от его глупости и упрямства, и никак не хотела мириться с выбранным им образом жизни.

Сама же она была примерной дочкой и отличной ученицей женского колледжа, была послушна и очаровательна, нежна, скромна и добродушна. Хотя, порой, и забывала об этом, общаясь с братом.

Ева ценила все, что происходило с ней, и трепетно относилась к этому. Она стремилась быть такой же важной и значимой как отец, такой же светлой и нежной как мать и быть особенной, неповторимой.

Круг ее общения составляли люди исключительно приятные и образованные, знающие толк в светской жизни, моде, делах политики и, конечно, умеющие отдыхать. Ева тоже умела отдыхать. И один из ее любимых способов релаксации заключался в шопинге. Поход по магазинам за очередной парой обуви лучше всего отвлекал от повседневных тягот. Ее «церемония покупок» отличалась элегантностью и шармом, исключая помешанность. И, хотя, полки ломились от невиданного количества туфель, от одержимости ее сдерживало воспитание.

Долгожданный субботний день Ева решила отметить прогулкой в любимом торговом комплексе. Стояла теплая погода, и птицы пели, радуясь солнцу. Ева была спокойна, и полна надежд получить положительные эмоции от предстоящих покупок. Хотя что-то все же мешало полностью расслабиться и забыться, какая-то грустная нотка сидела глубоко в душе. Джастин? Думать о нем не хотелось!

Вместо этого, Ева нарочно задерживала взгляд на сидящих напротив нее незнакомцев. Все выглядели так по-разному! Женщина в элегантном бардовом плаще с длинным зонтом-тростью увлеченно читала книжку, мужчина в черном костюме с небрежно расстегнутой верхней пуговицей нахально заглядывал ей через плечо. Напротив окна стоял пожилой мужчина в вязаном свитере и клетчатой кепи. Ева представила, что дома его ожидала милая старушка-жена с фартуком поверх платья и маленькая собачка с длинными ушами и лохматыми лапками. Облокотившись на поручень, возле выхода из салона автобуса стоял молодой человек в широких штанах цвета хаки. Казалось, он мирно изучал город, рассматривая что-то сквозь окно. Лицо такое спокойное и юное. Ева невольно вспомнила о брате, который вряд ли стал бы без дела стоять в общественном транспорте. Скорее, он предпочел бы гнать по улице на своем скейте или велосипеде. Как он его называл? Вмх?

Ева захлопала ресницами, разгоняя мысли. Как только автобус подъехал к остановке, она незамедлительно вышла. В тоже мгновение она словно окунулась в неумолкающий океан звуков. Машины гудели, сворачивая на парковку, люди вокруг разговаривали на непонятных языках. На переходе свистнул полицейский, предупреждая об опасности перехода на красный свет. Перед глазами зарябило от обилия красок и количества народа. Люди бегали, как на предпраздничной распродаже. Словно вот-вот наступит рождество, а никто еще не купил подарки. Невероятно мощный поток пронес Еву мимо церкви, выпихнув прямо на площадь. Здесь тоже

было полным-полно народа. Ева еле успевала уворачиваться от постоянных тычков и пинков. Ее притесняли, передвигая в общем потоке к переходу из прозрачных павильонов. Не успела она опомниться, как уже стояла напротив статуи огромного быка, главного символа торгового комплекса. Беспорядок, творившийся в «Буллринг», сбил Еву с толку. Она с трудом собралась с мыслями, чтобы определить, в каком направлении нужно двигаться. Казалось, что все туристы мира съехались сюда, чтобы позлить ее. Но нет! Никто не сможет помешать ей провести свой выходной в приятной расслабленности и покое. Даже толпа! Она твердо решила избавиться от напряжения, вызванного очередной ссорой с братом. Как он мог не понимать, что за него все волновались? Как он мог продолжать вести себя эгоистично после всего, что она для него сделала? Как мог изводить маму, прогуливать школу, пропадать по ночам неизвестно где?..

Ева покачала головой, выбросив назойливые мысли. Убедившись в собственной непоколебимости, она глубоко вдохнула. Воздух приятным теплом проник в легкие. Солнечные лучи ласково коснулись бархатной кожи. Невольно улыбнувшись, Ева взбодрилась. Голоса глухим звоном разлились в пространстве, перестав ее тревожить. И миг спустя настроение улучшилось. Ева выпрямила плечи, улыбнулась еще шире и устремила навстречу долгожданному шопингу. Неспешно прогуливаясь вдоль завораживающих взгляд витрин, Ева рассматривала необычные фасоны платьев, юбок и яркие цветные брюки. Продвигаясь все дальше, она с трудом заставляла себя идти. Но задерживаться за покупками было попросту неприлично, потому что на втором этаже комплекса ее ожидала подруга.

Ева старалась двигаться как можно быстрее. Она уже зашла внутрь, но все же тонкое золотое плетение кулона зацепило и заставило притормозить. Ева прикусила губу, разглядывая узор.

«Я же не ношу подвески», – она тщетно пыталась убедить себя идти дальше.

– Что-нибудь приглянулось?

Ева вздрогнула, неожиданно услышав за спиной бархатный голос, прозвучавший так ласково, будто обращенный к любимой женщине. Но голос точно адресовался ей, потому что только Ева не решалась зайти в отдел. Оставаясь единственно покупательницей, прилипшей взглядом к витрине снаружи, она почувствовала себя озадаченно. Даже не соизволив посмотреть на говорившего, она отрицательно покачала головой и сделала шаг в сторону, собравшись уходить. Но некто бережно обхватил ее за локоть.

Ева обернулась, обнаружив перед собой высокого юношу. Юноша скромно улыбнулся и опустил руку.

– А, – Ева мгновенно узнала в стоящем перед ней молодом человеке давнего знакомого, на вид никак не изменившегося за несколько лет. – Дэвид.

Как ласково он к ней обратился. Ева расплылась в улыбке, но сразу вспомнила, что Дэвид никогда ей не нравился. Дэвид еще раз улыбнулся.

– Рад тебя видеть! – он выдержал короткую паузу. – Как поживаешь?

Ева давно не сталкивалась с Дэвидом. Он часто и надолго покидал город вместе с родителями. Но и без того Ева старалась избегать утомительного общения с ним. Последняя их более-менее длительная встреча прошла при печальных обстоятельствах, и то была организована на спор. Дэвид был старше, и возможно поэтому, не вызывал в ней интереса. Хотя это казалось Еве странным, потому что ни один парень ее возраста так и не смог ее заинтересовать. Все они казались детьми. И, скорее всего, дело было в характере Дэвида. Ева удрученно вздохнула.

– Я не заметила... извини, – растерявшись, промямлила она. Она старалась придумать какую-нибудь отговорку, чтобы поскорее покинуть парня. Невежливо уходить без причины. Он бы сразу догадался, что Ева скверно о нем думала. К сожалению, Ева ощущала себя бездарной лгуньей. В отличие от брата она не была способна наспех придумывать оправдания и бросать их людям в лицо, чтобы только от нее отстали.

– А я сразу тебя узнал, – осанка у юноши была превосходная. Светло серый костюм с жилетом без пиджака, сидел на нем идеально. Выглядел он строго, но современно. Волосы аккуратно причесаны. Ботинки такие чистые, что в них отражался свет. Ева вспомнила изношенные кеды брата и поморщилась.

– Что-то не так?

– Нет! – мысленно обвинив себя в невежестве, она все же продолжила искать пути для отступления. Но по тому, как виновато улыбнулся ее знакомый, Еве показалось, что он заметил, что она настороженно осматривала помещение, делая маленькие шаги назад.

– Ты восхитительно выглядишь! – Дэвид оценивающе посмотрел на Еву. – Блузка «Лора Эшли». Тебе идет! – голос прозвучал мягко, успокаивающе. Почему Дэвид раздражал ее раньше?

Ева застенчиво кивнула. Она молчала, подбирая слова.

– Так что, – менее уверенно продолжил парень, – как поживаешь?

– Да отлично! Вот, спешу к подруге. Она ждет наверху, – как замечательно, что он переспросил, теперь не придется врать.

Дэвид глянул наверх, а потом учтиво отодвинулся.

– Что ж, тогда не буду тебя задерживать!

– Нет, что ты, – запнувшись, Ева улыбнулась. Боже, конечно, не стоило ее задерживать! Во-первых, сама Ева ощущала себя не в своей тарелке. Наверняка Дэвид изменился за последние несколько лет, а она так грубо отказывалась с ним общаться. Это вгоняло ее в краску. А, во-вторых, ее действительно ждала подруга. Уж она точно не станет подбирать слова, а прямо в лоб выскажет Еве все, что думает о ней и ее опозданиях. – Но, в общем, я пойду.

Ева помахала рукой. Она почувствовала себя рассеянной и заторопилась к эскалатору.

«Спокойно! Сегодня отличный день!» – продолжая убеждать себя, что все складывается, как нельзя лучше, она устремилась вперед.

Встреча со старым знакомым тут же представилась как утреннее приветствие соседки: мимолетной и бесполезной. Какое-то наваждение, что Ева задумалась любезничать с Дэвидом. Впустую потратив на него время, она торопливо огляделась. Все помещение заняли незнакомые лица. В такой толпе несложно потеряться. С ужасом подумав, что она не найдет подругу, Ева двинулась дальше.

Но как только Ева сошла с эскалатора, сразу догадалась, где искать Эллис. Не заметить ее в толпе оказалось невыполнимым. Очаровательная и задорная девушка весело оглядывалась по сторонам и привлекала много мужских взглядов. Она кокетливо улыбалась проходящим мимо парням. При этом она умудрялась следить за перемещением Евы (она приветливо махнула подруге рукой, когда та ступила на твердый пол). И уже наверняка, она заметила Дэвида. Как только Ева подошла, Эллис пристыдила подругу:

– Надеюсь, ты не сказала ему в лицо, что он тебя раздражает? Это было бы... так на тебя не похоже! – девушка звонко рассмеялась, чем вновь привлекла внимание.

Эта девчонка с огненными блестящими волосами в ярко красном сарафане настолько выделялась из всей остальной серой массы, что Ева почувствовала себя уязвленной. Не заметить ее просто невозможно! На ее фоне Ева выглядела строго, хотя и романтично. Она обиженно оглядела подругу. Сарафан на ней сидел идеально, высокие сапоги ничуть не укорачивали, а огненная кипа волос источала апельсиновый запах. Ева неуверенно поправила свои светлые волосы, мельком заглянув в стеклянную витрину. С прической все в порядке. Пышные волнистые локоны переливались в свете ламп, и приятно пахли цветами. А вот облачение в узкую юбку, классические туфли и аккуратную блузку с кружевом представилось безвкусным. Настроение немного упало, но Ева все равно была рада увидеть подругу.

Девушки обнялись. Эллис воодушевленно потрясла Еву, подготавливая к предстоящим покупкам.

– Ну, вперед!

– Ты... вся словно сверкающий рубин... – Ева насупилась, ослепленная красотой девушки. При всем этом нельзя сказать, что Эллис была помешана на своей внешности. Отнюдь нет! Но ей всегда без особого труда удавалось подбирать одежду и выглядеть умопомрачительно. Даже если облачить ее в лохмотья, первый же встречный обязательно восхищенно обернется ей вслед.

«Все дело в характере», – во второй раз подметила Ева.

– О, ты тоже выглядишь чудесно! – между прочим пробормотала Эллис, устремив взгляд на ряды бутиков.

Ева озадаченно огляделась. Все взгляды прохожих принадлежали Эллис. Тягаться с ее неотразимостью все равно, что бороться с титаном. Что ж, хотя бы можно подзарядиться ее энергией. Ко всему прочему, Эллис невероятно эмоциональна. Она живая батарейка. Еваглянула на подругу, но та уже устремилась вперед, так что пришлось ее догонять.

– Я думала, ты никогда до меня не доберешься! – снова подколола Эллис. – Хотела спуститься сама, но там этот... твой ухажер...

– Он не ухажер! – возмутилась Ева.

– Ну да. Пробивающийся в ухажеры, – задумавшись, Эллис расцвела в улыбке, но Ева грубо одернула ее. – Ладно, ладно!

Эллис сдалась. Но, не выдержав паузы, вновь заулыбалась.

– Чего он хотел? Приглашал на свидание? – ее живая мимика рассказывала больше слов. По одному взгляду можно было догадаться, что Эллис задумала что-то неприличное или неприятное.

– Эллис! – шокированная предположением, Ева пихнула подругу в бок. Она все еще не могла без боли смотреть на девушку. При движении ее сарафан развивался подобно лепесткам мака на ветру. Эллис выглядела, как фея. Слишком яркая и броская, но, все же, фея. – Дэвид никогда бы не стал приглашать никого на свидание вот так с полуслова.

Эллис загадочно вскинула брови.

– Защищаешь его? – с наигранным удивлением поинтересовалась она.

– Нет! – получилось несколько более грубо, чем Ева того хотела. – Просто он... хорошо воспитан.

– Ну да, занудой.

Без зазрения совести Эллис усмехнулась, а Ева почувствовала себя виноватой перед Дэвидом. И хоть она ничего не сказала вслух, по ее поведению он, наверняка, догадался, что Ева именно так о нем и думала. Даже представила разговор с ним, как безликое приветствие с соседкой, как будто только вежливость заставила ее говорить. Ева нахмуриться, она ощутила себя бездушной, не способной разглядеть человека и не желающей этого делать. Она отвлеклась и почти потеряла из виду шуструю подругу. Эллис изящно лавировала внутри толпы. Она молчаливо продвигалась мимо витрин с одеждой, а потом резко скомандовала: «А ну, стой!», – и нырнула в один из отделов.

Угнаться за девушкой было очень трудно. Ева прибавила шаг.

– Ты что? Нам ведь не сюда... – запахло жженым сахаром и миндалем. Озираясь по сторонам с внезапно проснувшимся чувством голода, Ева уткнулась Эллис в спину. Люди заполнили маленькое помещение, собравшись в бесформенную массу и мешая Еве отодвинуться хотя бы на шаг от подруги. Повсюду торчали разноцветные ленточки, и слышался аппетитный аромат.

– Да ладно! Что будет, если мы задержимся на три минуты? – Эллис скорчила лицо. – Ботинки никуда не убегут.

– Туфли, – задумчиво поправила Ева.

Народ толпился, подпихивал в бока и ругал нерасторопных зевак. В частности, Еву, прилипшую к спине Эллис. Эллис же ничего не смущало, она нагло распихивала недоумевающих туристов, прокладывая себе путь к прилавку. Ева же старалась никого не задеть, вцепилась в платье подруги и только с ее помощью пробралась.

Девушки устали на разноцветные горсточки в витрине: розовые, желтые, голубые, покрытые шоколадом, в кокосовой обсыпке, с миндалем! Печенье, халва, нуга, пастила, мюсли, лукум, оила, щербет, сливочные колбаски, пирожные с фруктами, козинаки, грильяж! От обилия сладостей у Евы закружилась голова.

– Надо прикинуть, – Эллис озадаченно осмотрела Еву.

– Что прикинуть? – Эллис всегда была падка на сладости. И как ей удавалось употреблять их в огромных количествах, оставаясь худышкой?! Свою фигуру Ева берегла: делала зарядку, питалась полезной пищей, не ужинала перед сном и отказывалась от сладкого. А Эллис то и дело прогуливалась с какой-нибудь конфетой, оставаясь тростиночкой с крепкими зубами. Видимо, хорошая наследственность.

– Уже прикинула. Дайте, пожалуйста, пару фунтов лукума! – Эллис обратилась к продавщице, указывая на нежно розовые параллелепипеды, обсыпанные сахарной пудрой. – Гранатового!

Продавщица старательно загребла рахат-лукум в бумажный пакет, взвесила и отдала излучающей огненное сияние девушке. Та расплатилась и с довольным видом обратилась к Еве.

– Будешь брать? – как будто Ева была покупателем, а Эллис продавцом.

– Нет, – сосредоточенно ответила Ева. – Пожалуй, обойдусь.

– Как хочешь, – Эллис искрометно огляделась и, удовлетворенная покупкой, вылетела из отдела, продолжая двигаться по направлению к цели.

Ева поторопилась догнать ее. Она буквально вылетела из-за двери, окунувшись в очередной поток человеческих тел. Все спешили, толкались и не смотрели, по чьим ногам ходили. Улыбаться прохожим, как это обычно делала Ева, ни при каких обстоятельствах не хотелось. Она просто пыталась догнать подругу, следуя за красным шлейфом развивающегося сарафана. На каблуках это было невероятно трудно, а еще какой-то недотепа толкнул Еву в бок. Она чуть не повалилась, в последний момент успев ухватиться за чье-то предплечье.

– Извините, – залившись краской, Ева отпрянула от незнакомца и обернулась. Но тот, кто толкнул ее, уже успел скрыться. Рукав синей толстовки мелькнул в просвете и тотчас исчез.

«Ну, куда так спешить?»

– Подожди! – настигнув подругу, Ева разозлилась. Ее распирало от ярости, потому что Эллис даже не запыхалась. А Ева вспотела и устала.

– Что? – Эллис не поняла причину гнева.

– Ты такая маленькая, и такая шустрая! Я не успеваю за тобой! – дышать получалось с трудом.

– Конечно, – с выражением тотального равнодушия Эллис окинула Еву взглядом, – ты ведь не нашла более удобной обуви для похода в магазин?

– В магазин! НЕ на спринт!

Как хотелось, чтобы подруга услышала ее, но Эллис отмахнулась, сверкнув белоснежной улыбкой, и продолжила путь. Все равно пришлось бежать, чтобы не потерять ее из вида. Конечно, Ева не заблудилась бы и нашла дорогу до павильона. Там бы и настигла Эллис, но ведь они договорились встретиться у эскалатора, а не там! Вместе собирались гулять, расслабляться. Зачем бегать?

До заветного магазина оставалось всего несколько поворотов, и, ничуть не сбавив темпа, Эллис шагала впереди с гордо поднятой головой. Ева еле поспевала за ней. Кстати, сказать, Эллис была единственной в окружении Евы, кто отличался необузданностью и несдержива-

емой эмоциональностью в сравнении со всеми остальными скромными, интеллигентными и рассудительными знакомыми. Она умела быть разной, не боялась проявить себя с любой стороны, как с хорошей, так и с плохой. Но всегда оставалась собой. Еве нравились ее честность и простодушие. Неординарность привлекала Еву, как и случайных прохожих. Впрочем, она никогда по-настоящему не задумывалась, почему сдружилась с чудаковатой и взбалмошной девчонкой. Главное, что рядом с ней Ева могла отвлечься от выходок брата, уделив время самой себе. Жаль только мама осталась дома. Ева приглашала ее присоединиться к прогулке, но она отказалась. После разговора с Джестином она сильно расстроилась. Обвинила себя в неумелости. От ее беспомощного вида у Евы слезы наворачивались на глаза. Целый день мама просидела дома, никуда не выходя. Только вечером, когда вернулся отец, она встретила его в гостиной, но затем вернулась в библиотеку. Еве было невероятно стыдно, что она прервала беседу с сыном, да еще накричала на маму. Но она хотела помочь, она видела, что мама не в силах давить на сына, заставляя его, и это огорчало. По мнению Евы, Джастин нуждался в твердой руке воспитателя. А мама расклеивалась от одной только мысли о том, чтобы принудить Джастина хоть к чему-нибудь.

Устав от бега, Ева погрузилась. На секунду ей показалось, что на пути к обувному расставили кучу ловушек, которые могла преодолеть только Эллис. Но вдруг девушка резко затормозила и уставилась куда-то вдаль. Ева не заметила этого, борясь с калейдоскопом прыгающих в голове мыслей. Перед глазами мелькали наряды, нуждающиеся в красивой паре обуви. Ева заранее знала, чего хотела купить. Она спешила за прытким шагом подруги, минуя павильоны и отражаясь в тысячи стекол. Ее волосы блестели золотом, глаза светились от предвкушения. Как обычно, завтра центр закроется на выходной, поэтому сегодня в нем невероятное количество людей! Единственный день, когда большая часть города может забыть про свои офисы и окунуться в атмосферу покупок. Перескакивая с мысли на мысль, от мамы и Джастина к выбору туфель, Ева таки догнала подругу. Но Эллис вдруг перегородила ей путь, удержав рукой на месте. Она указала в сторону заветного отдела. Внезапная остановка оборвала рассуждения Евы, и она замерла от неожиданности.

– Что там? – спросила она.

– Ты что не видишь? – сурово отозвалась подруга.

– Не вижу, что?

Ева вглядывалась в дверной проем, декорированный искусственными листьями, но ничего не могла разглядеть из-за мелькающих перед носом людей. Она раздраженно подтолкнула Эллис, но потом заметила склонившуюся у входа фигуру.

Сначала Ева подумала, что кому-то из покупателей стало плохо, но никто не обращал внимания на согнувшегося человека. Обувной отдел был последним по коридору, обувь в нем продавали дорогую, и желающих просто так потолпиться в отделе никогда не было. Прохожие не замечали его или игнорировали. Но если бы человеку было действительно плохо, разве не нашелся хоть кто-нибудь, кто бы помог? Продавец, например. Где продавец? Видимо, Еве показалось. И это не кто-то, кому плохо, а странный манекен. Интересно, что он изображал?

– Кровь! – выпалила Эллис. – Я за милую учую! В анатомичке много такого... – самодовольно объяснила она.

– Что? – Ева испугалась. Она еще раз осмотрела вход в обувной отдел, и только тогда поняла, о чем говорила подруга.

Люди иступлено пятились назад, сбившись в толпу. Испуганные туристы, спотыкаясь, ломились обратно к выходу. Как только они очистили коридор возле бутика, Ева узнала в странной фигуре продавца.

– Это Карл! – в ужасе прошептала она.

Мужчина повис на металлодетекторе, обхватив себя за живот. На белоснежной рубашке, словно акварель на мокром холсте, растеклось пятно. Шокированная увиденным, Ева сделала шаг назад, но уперлась в Эллис.

– Почему он в крови?! – требуя ответа, Ева повернулась к подруге.

– Пойдем, посмотрим, – не растерявшись, предложила Эллис. Она протянула пакет с лукумом Еве и поспешила вперед.

Ева смутилась и нахмурила брови, принимая бумажный пакет из рук подруги. Ей вовсе не хотелось смотреть на кровь. Тем более на человека, истекающего кровью! На сколько Ева могла знать, зрелище не из приятных. Но ведь нужно помочь!

В голове вновь закружились мысли. Очень хотелось, чтобы все это просто померещилось. Но люди разбежались, а Эллис так настойчиво подходила к человеку. Вдруг мужчина отпустил металлодетектор. И он обязательно упал бы, если бы Эллис его не подхватила. Слабая на вид, она аккуратно усадила на пол взрослого мужчину без чьей-либо помощи.

Ева подбежала, вытаращив глаза. Действительно, человек был ранен, он истекал кровью.

– Карл, – Ева присела на корточки, обхватив обеими руками завернутый край пакета.

Карл растеряно оглядел девушек, силясь что-то сказать, но не смог.

– Надо остановить кровь! – Эллис огляделась. Не обнаружив ничего подходящего, она с треском порвала подъюбник. От натяжения платье разошлось по шву, и на талии образовалась дырка. Эллис свернула кусок материи, прижав им рану. – Чего уселась? Зови на помощь!

Ева испуганно наблюдала за действиями подруги. Как только она поняла, что Карл ранен, последние силы покинули ее. Голова закружилась, и воздуха явно перестало хватать. В миг вспомнилось, как Ева обнаружила Джастина, окровавленного, измазанного в грязи и избитого до полусмерти. Сейчас на ее глазах истекал кровью старый друг, добродушный мужчина, которого она знала почти с самого детства. Пытаясь прийти в себя, свободной рукой Ева протерла лоб. Действие помогло немного сосредоточиться, и сквозь мысли откуда-то издалека прорезался голос подруги, строго настрого велевшей звать на помощь.

Ева вскочила на ноги, собравшись бежать, но тут к девушкам подошла охрана. Еву бережно обняли за руки, и она сообразила, что помощь уже на подходе. С первого этажа доносились напряженный гул, а с улицы звук сирены. Еву подхватили за локти, и повели вниз. Следом за ней Эллис. К Карлу подбежал врач. Еще несколько мужчин спешили подняться наверх, удерживая носилки.

В голове у Евы непроизвольно мелькнула мысль: «А если бы мы не задержались?»

Кто знает, что бы произошло?! Но, столкнувшись с тем, кто напал на Карла, Эллис могла выкинуть все, что угодно! Возможно, сейчас было бы несколько раненых...

Терзая себя представлениями о том, чтобы было, если бы они с Эллис не заглянули в магазин с восточными сладостями, Ева шла, ведомая кем-то из охраны, совершенно не осознавая пути.

Ее провели через толпу на первый этаж. По ходу движения сквозь людей протиснулся Дэвид.

– Ты в порядке, цела? – его беспокойство выдавал только голос. На внешний вид он оставался собранным. Впрочем, Ева плохо понимала собственное состояние, так что она не могла ручаться за постороннего человека.

Она не ответила, по-прежнему утопая в мыслях. Сжимая в руках бумажный пакет, Ева несогласно качала головой. Перед глазами настойчиво крутилась одна и та же картинка: окровавленный Карл падал, отпустив металлодетектор. Как Эллис сообразила, что происходит и принялась оказывать первую помощь? У нее хватило духа подойти к истекающему кровью человеку. Хотя да, она же учится на врача. Ева задумалась о подруге, представила ее лицо, суровое, сконцентрированное. И внезапно Еву подкосило. Ее сразу же подхватили, но ощущение, что ноги перестали держать, показалось весьма странным. Кто-то оттащил ее в сторону,

усадил в кресло и дал воды. В задумчивости Ева сделала глоток. Холодная жидкость неприятно свела зубы. Мысли оборвались, зато посторонние звуки стали отчетливо слышны. Толпа на первом этаже сбилась в плотную массу испуганных покупателей. В торговом комплексе воцарился хаос. Бутики загородили металлическими решетками, народ согнали в холл первого этажа и прилегающие коридоры. Двери комплекса на время заблокировали. Люди галдели, как на базаре. Охрана никого не выпускала, прочесывая периметр и вглядываясь в перекошенные от страха лица.

Как только Еве немного полегчало, ее допросили. Но толком она ничего не смогла сообщить полиции. Она не видела, что произошло, не знала, кто мог совершить подобное, даже не предполагала, зачем вообще кому-то нападать на человека посреди бело дня в торговом центре. Не добившись ничего полезного, ее оставили с Дэвидом дожидаться машины скорой помощи.

– Вас отвезут в больницу, обследуют. Вы меня слышите? – констебль пытался достучаться до Евы, после допроса вновь переставшей реагировать на слова.

Ева выглядела полностью растерянной. Она смиренно сидела в объятиях Дэвида, взглядом отыскивая Эллис. Она упустила из виду подругу, как только полицейские подхватили ее на втором этаже. Куда они отвели Эллис, что с ней сделали? Завидев в толпе пышную кипу огненных волос, Ева подскочила и понеслась на встречу. Дэвид с трудом ее догнал.

– Эллис! – Ева настигла девушку, отказывающуюся следовать за врачами. – Отпустите ее! Она помогала Карлу!

Констебль, пытающийся передать девушку врачу, видимо, уже допросил Эллис, но сомневался в ее здоровье. С первого взгляда можно было подумать, что напали именно на нее. Руки у Эллис были перепачканы в крови, на красном порванном платье темнели бурые пятна. Вид потрепанный, как после драки.

– Все в порядке, меня никуда не забирают! – утвердила подруга и кинула вопрошающий взгляд на полицейского.

– Мисс...

– Я отвезу их по домам, – Дэвид учтиво вмешался, дав понять, что девушкам ничего не угрожает. Его допросили тогда же, когда и Еву. Один из охранников подтвердил, что в момент происшествия видел парня на первом этаже, поэтому лишних вопросов ему не задавали.

– Конечно, – полицейский отступил.

Из-за возникшей неразберихи, отсутствия свидетелей и подозреваемого, выяснить удалось только то, что нападавший применил нож и скрылся с места преступления. Его усиленно выискивали среди посетителей, но, по всей видимости, он покинул торговый комплекс раньше, чем его перекрыли. Известие жутко огорчило Еву. Она представить себе не могла, что в городе завелся такой бесцеремонный преступник. Бирмингем большой, но довольно тихий город. Преступления здесь, конечно, совершались, но чтоб среди бело дня, да еще в месте, забитым людьми?! Больше похоже на терроризм, чем на ограбление. Преступник же наверняка хотел ограбить Карла, ведь его отдел приносил неплохую прибыль, размышляла Ева. Но ей казалось, что подобные вещи происходили где-нибудь в кино, в других городах или даже странах, а не там, где находилась она.

– Давайте уберемся отсюда! – Эллис подтолкнула подругу к выходу, как только из комплекса стали выпускать людей. – Хорошо хоть силком в машину не запихали! И в участок не отвезли! – недовольным тоном прокомментировала девушка.

Она казалась совершенно спокойной, тогда как Ева больше походила на загнанного зверька. На удивление Эллис ничуть не испугалась. Ева завидовала ее собранности и хладнокровию.

– Как ты? – поинтересовалась подруга.

– В ближайшее время вряд ли смогу спокойно ходить за обувью, – пытаюсь выжить из себя улыбку, отозвалась Ева, но в глазах отражался неподдельный ужас. Неужели вот так просто можно пырнуть человека ножом? За что?

Размышляя над ситуацией, Ева гневно стиснула зубы. Вдали от опасности ей казалось, что она могла бы остановить преступника. Но здравый смысл подсказывал, что вряд ли подобное возможно.

– Ну, хватит уже! Приди в себя! – Эллис обхватила девушку за плечи, встав к ней лицом к лицу. Она устало вздохнула и слегка потрясла Еву. – Знаю, что Карл твой друг. Но с ним все будет в порядке. Вот увидишь!

Эллис прихлопнула Еву по щекам, и та оживилась. Поток ее мрачных мыслей прервался, и она вдруг увидела, что стоит на улице. С момента прибытия в центр заметно потемнело. Люди непрерывно выходили из переливающегося в свете фонарей здания «Буллринг». Рядом стояли Эллис и Дэвид. Оба вымученные, но спокойные. Эллис в испачканном сарафане, а Дэвид в строгом костюме. Глубокое несогласие с действиями преступника ввергли Еву в ступор, из-за которого время остановилось. Она с трудом соображала, который сейчас час, но так и не смогла определить. Ева зябко вздрогнула.

– Отвези ее, – настоятельно проговорила Эллис. – Ты ведь на машине?

Дэвид кивнул. Он раскрыл рот, но сказать ничего не успел.

– Меня не надо! – Эллис предостерегающе подняла ладони вверх. – Тут недалеко.

– И все же, – Дэвид галантно склонил голову.

– Сказала – нет! – сдерживая раздражение, Эллис отвернулась.

Она негодуяще фыркнула и обняла подругу, отобрав у нее пакет с лукумом.

– Вот так денек! – она провела ладонью по лицу Евы, проверяя, в каком состоянии та пребывала. – И платье к черту!

Расставаться с Эллис совершенно не хотелось. Тем более отпускать ее одну. Но она настояла, а Ева была так измотана, что подчинилась. Даже Дэвиду с легкостью удалось усадить ее в машину. Он просто проводил Еву на парковку, открыл дверь и взмахом руки предложил сесть. Ева послушно следовала указаниям, потирая замерзшие руки.

В салоне через минуту стало тепло. Ева долго молчала, а Дэвид с напущенным спокойствием вел машину, не оборачиваясь на девушку. Дорога была свободна, и Дэвид, нигде не притормаживая, спешил доставить Еву домой. Она заметила, что он повзрослел. В последнюю их встречу он напоминал занудливого умника, а сейчас больше походил на галантного джентльмена, стильного и изысканного.

Удивившись переменам, Ева также отметила, что Дэвид отлично водит. Он похорошел, превратился в зрелого мужчину. Его присутствие перестало раздражать. Однако это не помогло отвлечься от мыслей, нарушивших внутренне спокойствие Евы, которое она так скрупулезно копила, чтобы отстраниться от выходов Джастина. Боже! Джастин ведь, наверняка где-нибудь шляется! А преступник остался на свободе!

Вспомнив про брата, Ева побледнела и тут же очнулась. Она мигом переоценила ситуацию.

– Тормози! – громко выкрикнула она.

Дэвид вскинул брови, ослабив давление на педаль газа, но останавливаться не стал.

– Что случилось? Я превысил скорость?

– Да нет же! – нет, он все такой же зануда! – Эллис! Как ты мог ее оставить? Возвращайся, заберем ее! – неужели галантный джентльмен мог оставить девушку. Ночью. Одну. На улице?

– Она ведь сказала, что живет там неподалеку, наверняка, уже дома, – виноватым тоном отозвался парень.

Еву передернуло от злости. Хоть бы поинтересовался, где она живет! Но она понимала, что поворачивать поздно.

– И ты поверил? – с выражением искренней ненависти произнесла Ева. Скрывать свое отношение к нему после всего, что случилось днем, было совершенно невозможно. Просто не имело смысла.

– Что, прости? – Дэвид не ожидал такого тона.

– Она сказала, и ты поверил? Она же в Сметвике живет!

Дэвид сделал короткий глубокий вдох. В его глазах читался испуг.

– Я был уверен... раньше она... – он не смог придумать себе оправдание. – Теперь уже до твоего дома совсем недалеко...

Ева осмотрелась. Узнав местность, она еще больше разозлилась. Теперь точно поздно! И как они так быстро покинули центр? Во всем виноваты чувства, заполнившие Еву. Они помешали контролировать ход времени.

– Не надо ее слушать! Ты же мужчина! Должен был просто отвезти ее домой! – насупившись, Ева скрестила руки на груди и уставилась в окно.

Дэвид разочарованно выдохнул, но возражать не осмелился.

Дома тянулись стройным кирпичным рядом. В ярком свете фонарей асфальт подозрительно сверкал золотистой рябью. Свет из окон неровными желтыми прямоугольниками падал на лужайки. На траве застыли капельки воды. Оказывается, днем прошел дождь, и к вечеру стало прохладно. Поэтому Ева замерзла, выйдя из торгового комплекса.

Она вдруг осознала, что дома ее заждалась мама. Девушка ошупала себя, судорожно вспоминая, где оставила сумочку. Но сумочки не было с самого утра. Кредитная карта вполне уместилась в кармане юбки, и Ева не взяла с собой «лишний груз», конечно же, оставив дома и телефон. Ева ощутила угрызения совести. Надо было взять телефон!

Прокрутив в голове все, что может сказать мама, Ева подавлено выдохнула. Перед глазами стоял образ раненого Карла, так беспомощно смотревшего в ее глаза, что на какое-то время она потеряла дар речи. В тот момент она совсем ничего не могла сделать, даже толком пошевелиться не могла, будто голову отключили, отобрав управление телом. Тот, кто сотворил такое с Карлом, заслуживал наказания!

Вдруг Ева вспомнила, как ее толкнули в толпе, и она чуть не повалилась. Человек в синей толстовке просто пронесся мимо, даже не извинившись за то, что толкнул. Он убежал, скрывшись в толпе. Наверняка это был преступник! Иначе, зачем было убегать? Если бы Ева могла задержать его! Возможно, тогда правосудие настигло бы этого мерзавца! Или Еву с Эллис ожидало бы тоже самое, что и Карла...

Дэвид завернул за угол, выехав на узкую улицу, со всех сторон огражденную низким кирпичным забором частных домов и высокими пышными деревьями. Улица утопала в зелени. Дэвид медленно подъехал к двухэтажному дому из красного кирпича, с трех сторон обьятому виноградной лозой. Периметр этого дома ограждал живой забор из выстриженных в строгой прямоугольной форме кустов. Под окнами росла чайная роза. Цветов еще не было, но листья налились насыщенной зеленой краской, расправились после дождя и благоухали свежестью.

Ева осунулась, представив, как переживает мама. В ее голове звенели и перестукивались мысли, а чувства смешались в кучу. Оцепенение перед реакцией родителей, тревога за Джастина, ненависть к напавшему на Карла, страх за Эллис, обида на Дэвида. Разочарование, смятение, усталость.

– Мне очень жаль, что так вышло, – Дэвид плавно затормозил и отпустил руль. – Я могу что-нибудь для тебя сделать?

– Надо было отвезти Эллис! – строго выговорила Ева.

Она окинула парня недовольным взглядом и вышла из салона.

– Извини, – чуть менее раздраженно добавила она, перед тем как захлопнула дверь.

глава 5. Чересчур

Всю неделю Джастин не находил себе места. Такое впечатление, будто внезапно проснулась совесть. Чтобы посмотреть на маму, приходилось перебарывать зудящее чувство тревоги. До того тяжело было поднять глаза, что грудь сдавливало как под прессом. От волнения увлажнились ладони. Чтобы не выдавать смятение, приходилось сдерживать его сквозь зубы. Неясно, какая причина вызвала подобные переживания, но Джастин не на шутку озадачился.

Ссоры с Евой давно превратились в перманентное мероприятие. Никакой четкой цели, по мнению Джастина, они не имели. Во всяком случае, сейчас. Раньше сестра донимала его советами на тему реализации себя в жизни, претензиями за бестолковость и тунеядство и ободряющими примерами из опыта своих занудливых друзей. В ее понимании все это должно было подействовать на брата неким волшебным образом, чтобы в его голове засверкали переливистые радуги. К сожалению, думал Джастин, ее представление о мире и рядом не стояло с действительностью. Теперь же, она только отчитывала и ругала. Да, ей довелось поучаствовать в тех же событиях, что и Джастину, но они не затронули ее душевное спокойствие. Просто не могли затронуть. В конце концов, Джастину и самому наплевать, что происходит с другими людьми. Она, бесспорно, переживала за брата, но перестала различать, за что действительно стоило тревожиться, а за что нет. Плюс события прошлого лета оставили в ней нерушимый отпечаток уверенности в собственной правоте, потому что тогда Ева предвидела сокрушительный провал в его задумке. За что, впрочем, он сполна поплатился, и это тоже лишь убедило сестру в неоспоримости ее слов. Однако она перестала взвешивать факты, опираясь лишь на собственное мнение. Из всего этого Джастин делал надежный вывод о том, что нервничал он не из-за упреков сестры.

Нестабильное положение в школе, тоже не слишком беспокоило. В любой момент Джастин мог усесться за учебники и нагнать программу. Он был совершенно в этом уверен хотя бы потому, что без труда разгадал все кроссворды, припасенные отцом для долгих посиделок в уборной. Вообще, он не привык сомневаться в своих силах. За исключением случаев противостояния толпе. А толпа порой напоминала о своем недовольстве, и разве что только это подрывало стабильно ровное состояние Джастина. Просто лишний раз не хотелось мелькать перед глазами одноклассников, чтобы не нагнетать и без того мрачную атмосферу. Поэтому в школе Джастин появлялся исключительно для того, чтобы отметить перед учителями и получить необходимые оценки. Набрав достаточное для дальнейшего обучения количество баллов, он снова забывал дорогу в злосчастное место. Некоторые преподаватели не хотели мириться с таким его отношением к учебе и приставали с нравоучениями. К примеру, его преследовала навязчивая мисс Терра. Ни на шаг не отступала. Привязалась со своей математикой, будто Джастину было до нее дело. Уж к чему, а к математике он дышал спокойно. Во всех смыслах. Предмет в принципе поддавался изучению, и это главное. Хуже всего дела обстояли с химией, о которой даже вспоминать не хотелось. Однако, в общей массе предметов Джастин вполне ориентировался, урывками изучая материал. Опасения исходили из чего-то другого.

За отмеченными вариантами Джастин видел единственную возможную причину: саму маму. Она реже всех (за исключением отца) ворошила прошлое. Ее метод воспитания отличался от известных большинству «кнута и пряника». То ли по неопытности, то ли по какой-то восточной методике, она предоставляла детей самим себе. Судить ее Джастин не мог и не собирався. Он радовался всякий раз, когда мама позволяла ему решать свои проблемы самостоятельно. Еве следовало у нее поучиться этому. Конечно, она задавала ориентиры, рассказывала о понятиях добра и зла, развивала духовность, но никогда не перебарщивала. Она выступала в роли наставника и друга, способного понять и поддержать. Все волевые решения она тщательно взвешивала перед исполнением. Чем старше становился Джастин, тем больше благодарности

он за это испытывал. Мама находила в себе силы переживать самые трудные моменты своей жизни. И это умение Джастин мечтал у нее перенять. В чем заключался секрет, она никогда не делилась, но Джастин жаждал обладать подобной выдержкой. Еще в детстве она вдохновляла его на победы, придавала сил, внушала уверенность. Вспоминая ее глаза во время последней беседы, отчаянно молившие выслушать, Джастина невольно передергивало. Неужели она перестала ему доверять? Боялась, что он не справляется или, как Ева, решила выполоскать мозг? Ее растерянность погрузила Джастина в раздумья. Он проанализировал все свои поступки, начиная с пробуждения утром, когда он, ни с кем не здороваясь, сбегал из дома, чтобы встретиться с друзьями, и, заканчивая, возвращением домой в нетрезвом виде, когда он, не желая никого видеть, запирался в комнате или засыпал на диване в гостиной. Ева упрекала его в прогулах, но Джастин поддерживал свое положение в школе в пределах слабой, но все-таки успеваемости. Ева обвиняла его безрассудстве, но Джастин основательно продумывал каждый свой шаг, будь то занятия спортом или увеселительная тусовка. Ева характеризовала его как эгоиста, но Джастин из кожи вон лез, чтобы оградить близких от бесполезных переживаний, и он намеренно не придавал значения собственным трудностям. (Благо за близких тревожиться не приходилось, они прекрасно ладили с окружающим миром). Практически все, что он делал, однозначно причислялось к положительным поступкам. Кроме гулянок...

Поразмыслив, Джастин решил отказаться от них. Ведь, как ему казалось, больше всего мама беспокоилась именно об этом. Да и Ева тоже.

Придя к такому решению, Джастин почувствовал облегчение. Гулянки пресытились ему уже очень давно, вопрос заключался в том, чем их заменить. Самым очевидным вариантом решения, который мгновенно пришел ему в голову, оказался спорт. Потраченное на безделье время можно было перенаправить на возобновление тренировок. Просто покататься на скейте или роликах он успевал всегда, но чтоб взяться за дело по-настоящему, об этом Джастин перестал думать в последние несколько лет. Теперь, чтобы вернуть былую сноровку, ему потребуются систематические занятия. В ущерб учебе или же нет, ему было все равно, главное, заставить себя шевелиться. И чтобы не расплыться на мелочи, Джастин отметл наименее интересные ему варианты и достал маунтинборд.

За пару дней обкатки он как будто даже повеселел. Мгновенно возникла идея подготовиться к чемпионату и выступить с какой-нибудь новой, сногшибательной программой. Для этого необходимо было мобилизоваться, собраться с силами и отточить навыки. Удивительно, но в первый же день его отругала сестра за какие-то выдуманные ею синяки. Пара ушибов в ее представлении раздулись чуть ли не до гигантских рваных ран. Впрочем, обращать внимание на претензии Евы не имело никакого смысла. Главная задача – воздействовать на маму. А она больше не ходила с печальным видом. Скорее с отрешенным. Но, Джастину казалось, что это был успех.

Выходной день он провел с пользой для дела. До обеда Джастин посвятил себя катанию на маунтине в парках на юге от города. Соревновался он, конечно, со Стивом, гоняя по пересеченной местности. А с приходом Макса соорудили трамплин из подручных материалов и разучивали трюки. На ферме отца Стива давно была выстроена огромная площадка для катания, но в последнее время посещали ее редко. С одной стороны потому, что инициатором в катании на маунтине всегда выступал Джастин, а он давно не притрагивался к доске, а с другой, потому что не хватало времени. (Где тут найти время между ночной вылазкой на вечеринку и сном?) Хотя главной причиной, безусловно, оставалось неоднозначное отношение мистера Ваилда к увлечению сына. Стив отлично играл в баскетбол, был лучшим блокирующим игроком в школе, но гораздо больше времени уделял маунтинборду. Особенно, если об этом просил Джастин. А мистер Ваилд делал ставку именно на баскетбольный талант сына. Возможно, думал Джастин, это только потому, что бита и мячик были ему знакомы с детства, а увесистая доска с колесами нет. Она мало походила на скейт, да и вряд ли отец Стива когда-нибудь

катался на чем-то подобном, на него это не было похоже. Так что Джастин пытался понять мистера Ваилда, но отказываться от «брата по цеху» в лице Стива не собирался.

Тренировки решили устраивать везде, где только возможно. Как-никак это способствовало развитию навыков, но бессистемность не вписывалась в стратегию. Любой «корк» или «родео» требовали отработки на трамплине: хорошего разгона и точности выполнения, которых нельзя добиться, не используя специальные фигуры. Но найти способ переубедить мистера Ваилда Джастин доверил Стиву, а пока решил кататься в любом пригодном для этого месте.

К тому моменту, как начался субботний дождь, из-за падений парни вымазались с ног до головы. От серьезных ушибов защитила экипировка. Жаль, на плечи не приладили никакой защиты, потому что Джастин и Макс несколько раз хорошо саданулись о твердую почву. Толстый слой земли, смешанной с травой и песком повсеместно налип на одежду. В телах появилась приятная усталость. С первыми каплями дождя ребята двинулись по домам, плавно скользя по асфальтированным дорогам, словно на спусках с гор. Джастин любил это чувство, когда неспешно съезжаешь со склона или, как сейчас, едешь по тротуару, обессиленный после длительной тренировки, но довольный. Наконец-то оно вернулось.

Возвратившись домой, Джастин наслаждался тишиной, потому что Ева отсутствовала. Безучастность в его жизни отца давно вошла в норму. Мэри никогда не докучала. Но Ева, словно назойливая муха, постоянно кружилась возле Джастина, что бы он ни делал. Отсутствие сестры открыло в Джастине второе дыхание. Он спокойно переоделся и пообедал в гостиной, полулежа на диване, с тостом в руках, не беспокоясь о том, что кто-то мог бесцеремонно прервать его трапезу. Заканчивался очередной день, чуть более продуктивный, чем все предыдущие. И в тот момент, когда Джастин расслабился, развеяв дурные мысли о плохом самочувствии матери, в доме раздался телефонный звонок.

После короткого разговора Мэри побледнела, она передала трубку миссис Свуйт, и та стала похожа на мрамор. Первые несколько секунд Джастин ничего не понимал. Казалось, произошло нечто важное, но никто не смел сказать об этом вслух. Джастин выхватил телефон из рук перепуганной матери, и только тогда кое-что прояснилось.

Вторая волна растерянности охватила Джастина, когда он внезапно осознал всю щекотливость ситуации.

Обеих женщин бросало в дрожь. Мэри тщетно пыталась успокоить объятую страхом миссис Свуйт. Мама истерично всхлипывала, не желая слушать, что с дочерью все в порядке, будто Джастин не произносил этих слов вовсе. Полицейские всего-навсего сообщили, что на одного из продавцов в «Буллринг» было совершено нападение с применением холодного оружия. Никто из посетителей не пострадал. Две девушки, Эллис Грей и Ева Свуйт, пытались оказать потерпевшему медицинскую помощь. Но на место прибыли врачи и увезли раненого. Девушек допросили. От медицинской помощи они отказались и их отпустили под ответственность их общего знакомого, обязавшегося отвезти девушек по домам. На всякий случай полицейские известили о происшествии семьи всех допрошенных и отпущенных без присмотра констеблей.

Телефонное сообщение помогло Джастину понять, что сестра вернется позже обычного, в дурном расположении духа. Наверняка неприятно наблюдать, как человек истекает кровью. Впрочем, ее жизни ничто не угрожало. Джастин знал, что сестру сопровождала Эллис, способная постоять и за себя и за подругу. Но неизвестный, вызвавшийся проводить Еву, посеял сомнения. Непонятно, с кем Ева покинула магазин, и как это допустила Эллис. Все остальное исключало необходимость нервничать. Поэтому безосновательно вспыхнувшая паника вызвала в Джастине неподдельное раздражение. Унять переполошенных женщин никак не получалось. Джастин не мог поверить, что мама поддалась страху, совершенно бесплодному. Вместо того, чтобы найти способ выяснить, где ее дочь, она безостановочно перебирала самые худшие варианты развития событий. При этом Джастин каким-то образом оказывался край-

ним. Как будто он виноват, что в городе имелись преступники. Осуждения за легкомысленность и неосторожность Джастин мысленно перенаправлял сестре, потому что она даже не соизволила взять с собой мобильник, чтобы оставаться на связи. Любая просьба собраться и взять себя в руки игнорировалась мамой, как пустое назидание. В конечном итоге самого Джастина накрыло чувство тревоги. Что делать, если самый уравновешенный и терпеливый человек в мире паникует? Он не знал, как успокоить мать.

Из-за неразберихи, развернувшейся прямо в гостиной, всхлипов и рыданий, Джастин с трудом мог концентрироваться. Пытаясь прояснить в голове ситуацию, склеивая полученные факты в единую картинку, он снова и снова приходил к выводу, что серьезных поводов для беспокойства не возникло. Уверенный в своей правоте, Джастин собрался с духом и растащил женщин по комнатам. Мэри добровольно вернулась к себе, а маму пришлось уговаривать.

Пока сын укладывал ее в кровать, гладил по волосам, утешал вескими доводами о том, что с дочерью все в порядке, женщина держала себя в руках. Джастин даже обрадовался, что к матери вернулись невозмутимость, бесстрашие и рассудительность. Но, как только он собрался покинуть ее, приглушив в спальне свет, миссис Свуйт обратилась в мысли, потеряв всякое выражение лица. Бесстрастными глазами она проводила сына до двери, зафиксировала пустой взгляд на его пальцах, надавивших на клавишу выключателя, а потом безвольно опрокинулась на подушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.